

*Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований
(Горбачев-Фонд)*

**Проект «Социальное неравенство
и публичная политика»
(СНиПП)**

**«Проблемы социального неравенства
в современных трансформационных процессах»**

Стенограмма семинара

**Москва
2005 г.**

Семинар проводился 19 сентября 2005 г. в рамках проекта «**Социальное неравенство и публичная политика**», выполняемого в Горбачев-Фонде (руководитель проекта – член-корр. РАН Медведев В.А., координатор – д.ф.н. Красин Ю.А., менеджер – к.социол.н. Щедрина О.В.).

Проект предусматривает комплексное исследование социально-экономического неравенства в российском обществе и разработку узловых вопросов публичной политики в этой сфере по пяти направлениям: Человек и собственность (руководитель – д.э.н. Сорокин Д.Е.); Неравенство доходов как объект публичной политики (руководитель – д.э.н. Шевяков А.Ю.); Социальная сфера: соотношение публичных и частных начал (руководитель – д.э.н. Гринберг Р.С.); Социальная ответственность бизнеса и публичная политика (руководитель – д.и.н. Перегудов С.П.); Социально-экономическое неравенство и гражданское общество (руководители – д.ф.н. Красин Ю.А., д.социол.н. Козырева П.М.). Предполагается проведение комплексного социологического опроса (руководитель – д.ф.н. Горшков М.К.).

Содержание:

	Стр.
Медведев В.А. - доклад	4
<u>Дискуссия:</u>	
Медведев В.А. - вступительное слово	29
Шевяков А.Ю.	34
Гринберг Р.С.	43
Горшков М.К.	54
Сорокин Д.Е.	61
Перегудов С.П.	64
Козырева П.М.	68
Красин Ю.А.	74
Медведев В.А. - заключение	83

В. Медведев

Проблемы социального неравенства в современных трансформационных процессах

Одним из основных результатов радикальных реформ 1990-х годов явилось беспрецедентное углубление социально-экономического неравенства в российском обществе. Оно, можно сказать, «зашкалило», намного превосходя все цивилизованные стандарты, и сравнимо лишь с показателями латиноамериканских, или даже африканских, стран. В этом – главная причина социальной напряженности и политической неустойчивости российского общества.

Апологеты реформ 1990-х годов и сторонники продолжения радикал-либерального курса экономической политики не прочь изобразить их критику как стремление повернуть движение вспять, восстановить уравнилельно-распределительные механизмы, свойственные советской экономике. Слов нет, на проблеме неравенства пытаются спекулировать самые разнообразные политические силы, и не только консервативно-догматические, но и либеральные, что не отрицает, а лишь подтверждает наличие в российском обществе этой острейшей проблемы и необходимость ее решения в соответствии с потребностями и тенденциями социально-экономического развития современного общества.

Именно в этом духе, с акцентом на путях практического решения, проблема социального неравенства и публичной политики и рассматривается в настоящем проекте.

О некоторых понятиях и их историческом контексте

Понятие **неравенства** неразрывно связано с противоположным понятием **равенства**. Они всегда находились и находятся в определенном соотношении. Их противоречивое

единство («равенство-неравенство») дает некую общую характеристику положения человека в обществе и системы общественных отношений, оказывает решающее влияние на экономический динамизм и политическую стабильность общества. Прежде всего оно относится к экономическим отношениям, которые, в свою очередь, несводимы к распределению доходов, включают в себя отношения собственности, доступ к экономическим ресурсам и общественным благам. С учетом социальных факторов понятие «равенства-неравенства» еще шире, обнимает собой различия в особенностях человека как унаследованных, так и благоприобретенных, возрастных и гендерных, социально-профессиональных, расово-этнических, конфессиональных и т.д.

В ходе общественного развития понятия равенства и неравенства приобрели и социально-психологическую, можно сказать, и «идеологическую» нагрузку. Практически все массовые движения низов возникали и происходили под лозунгами преодоления экономического и социального неравенства людей, достижения «всеобщего равенства». Это была закономерная и неизбежная реакция на глубокие различия в положении классов и социальных групп, в уровне благосостояния людей, их роли в общественно-политической жизни. Реальная действительность каждый раз демонстрировала утопичность идей «всеобщего и полного равенства». В конечном итоге происходила лишь смена одних форм неравенства другими, а из повестки дня так и не снималась идея борьбы за всеобщее равенство.

Неравенство как проявление социальной дифференциации в принципе неустранимо. Нельзя не признать, что социальное и экономическое неравенство выступают как фактор динамизма

общественного развития, а унификация и уравниловка тормозят его. Но не следует и абсолютизировать такую зависимость, за определенными пределами она превращается в свою противоположность: паразитирующее богатство, маргинальная бедность погашают, а то и вообще подавляют стимулы развития и, напротив, широкий и более или менее равный доступ людей к общественным благам (образование, наука, культура) ускоряют развитие общества.

Вся проблема – в мере сочетания неравенства и равенства с учетом особенностей и функций различных сторон экономических и социальных отношений на конкретных этапах развития общества. Вне ее, по-видимому, невозможно рассмотрение и такого широко употребляемого понятия как **социальная справедливость**. Если же брать и государственно-правовую сторону проблемы равенства, то она отражается понятием равноправия людей, т.е. их равенством перед законом, и этот вопрос переходит в плоскость соблюдения законов и, конечно, характера, степени демократичности законов.

Роль массовых настроений в пользу равенства в истории хорошо известна. Это и изначальное представление о «равенстве всех перед богом» в христианстве, позволившем ему приобрести доминирующее влияние на европейском континенте на грани древнего мира и средневековья. Однако христианская мораль не помешала утверждению деспотических режимов, жестоких форм эксплуатации людей, нескончаемой цепи кровопролитных войн, зловещих деяний инквизиции. Идея социального равенства в условиях средневековья нашла отражение в раннем утопическом социализме (Т. Мор, Т. Кампанелла), носившем по сути дела чисто фантастический характер, сродни религиозной ереси.

Под лозунгами свободы, равенства и братства произошли буржуазные революции, разбившие оковы личной зависимости и феодальной раздробленности. Однако в ходе так называемого первоначального накопления капитала и становления буржуазного общества идеалы свободы обернулись для массы населения тяжелой экономической зависимостью, настоящим наемным рабством, равенство – углублением имущественной и социальной дифференциации в рамках формального равноправия людей как агентов рыночных отношений, братство и солидарность людей – их отчужденностью и индивидуализмом. На этой почве поднялась новая волна утопического социализма (Ш. Фурье, Сен-Симон, Р. Оуэн), которая, наследуя традиции прошлых утопий, отражала острые противоречия раннего индустриализма и буржуазного общества, стихийные выступления нарождающегося класса наемных рабочих.

В середине XIX столетия на более прочном методологическом фундаменте в итоге критического анализа буржуазного общества зарождается научный социализм. Идея равенства в нем перестает быть неким общим, априорным постулатом, а получает теоретическое обоснование в рамках социалистической модели индустриального общества, которое, в марксистском понимании, должно было прийти на смену капитализму.

Коренным устоем социалистического строя в марксовой теории считалось обобществление производства, превращение капиталистической собственности в общенародную. Предполагалось, что таким образом преодолевается отчуждение человека от собственности и восстанавливается справедливость (ведь капитал есть «накопленный неоплаченный труд рабочего

класса»), обеспечивается равное отношение к средствам и условиям производства.

Вопрос о субъекте и формах общественной собственности у Маркса и Энгельса не был тщательно разработан, предполагалось, что средства производства перейдут в руки государства, хотя это не очень корреспондировалось с провозглашенной ими перспективой отмирания государства. Экономика, основанная на общественной собственности, мыслилась как бестоварная, нерыночная, планомерно регулируемая.

Допускалось, что обобществление мелкой (трудовой) частной собственности крестьян и ремесленников может произойти путем ее кооперирования. Но оно рассматривалось как переходная, частная мера. Тем более что у марксистов не было сомнения в преимуществах крупного капиталистического производства перед мелким и неизбежности вытеснения последнего.

Что касается распределения потребляемой людьми части общественного продукта, то оно в модели марксистского социализма предполагалось в форме равного доступа к общественным фондам потребления с одной стороны и в форме распределения по труду фонда индивидуального потребления – с другой. Эта схема была выдвинута также в довольно общем виде без конкретной разработки. Но было ясное понимание того, что распределение по труду означает применение равной меры к разным людям и в силу этого – сохранение фактического неравенства между ними. Лишь высшая фаза коммунизма, когда все «источники общественного богатства польются полным потоком», по мысли основоположников марксизма-ленинизма, откроет переход к распределению по потребностям. Здесь уже достаточно ясно

просматривалась определенная дань представлениям утопического социализма.

Как же реализовалась идея социального равенства в советском варианте социализма?

«Равенство-неравенство» в советской модели социализма

Общественная собственность, призванная обеспечить равное воссоединение работников со средствами производства, после сложных процессов и перипетий (военный коммунизм, НЭП и отказ от него) приобрела жесткую государственно-бюрократическую форму. Отчуждение человека от средств производства было преодолено декларативно, а на деле лишь приняло другую форму. Возникло и нарастало фактическое неравенство в распоряжении общественным достоянием между основной массой трудящихся и бюрократическим аппаратом.

Кооперативная собственность (колхозы, потребительская кооперация) также была фактически огосударствлена и утратила свой специфический характер (промысловая кооперация вообще прекратила свое существование). Личное подсобное хозяйство, без которого страна обойтись не могла, постоянно находилось под недремлющим оком государства, систематически подвергалось скрупулезным ограничениям.

С установлением общественной собственности в марксистской модели социализма неразрывно связан принцип распределения по труду. Нет слов, этот принцип распределения, обеспечивая оплату за равный труд, справедлив и социально привлекателен. Но его практическая реализация натолкнулась на серьезные трудности, породила свои проблемы. Одна из них – как соизмерить труд. Рабочим временем? Но тогда игнорируется интенсивность и качество труда, квалификация и прилежание работника.

Понадобилась сложная и громоздкая, единая для всей страны, система норм выработки и обслуживания, разрядов для работ и работников, их тарификации (расценок). В итоге дело пришло к так называемой «выводилровке», когда не нормы выработки и тарифные ставки определяют зарплату, а наоборот, их применение подгоняется под фактически складывающийся на рынке труда уровень зарплаты.

Более того, принцип распределения по труду в сочетании с общественной собственностью обнаружил, мягко говоря, уязвимость с точки зрения стимулов развития. Из самого его существа вытекает необходимость нивелировать влияние качества средств производства на уровень оплаты труда. Ведь они являются общенародной собственностью, а это значит, что применение более совершенной техники и технологии, если оно не сопровождается повышением квалификации работника (а она может даже понижаться), не дает основания для роста заработка. Возникает необходимость в повышении норм выработки, что неизбежно вызывает социальную напряженность (события в Новочеркасске).

Ахиллесова пята «распределения по труду» в том, что оно не создает материальных стимулов в техническом совершенствовании и обновлении производства. Не дала в этом смысле ощутимых результатов и система премий, поскольку они в большинстве случаев были механическим и субъективно определяемым придатком к зарплате. И, конечно же, утопичными оказались попытки создать у массы людей заинтересованность в развитии производства с помощью моральных стимулов.

В целом, советский эксперимент с распределением по труду следует признать неудавшимся. Это явилось одной из главных причин кризиса и последующего развала советской модели социализма. Еще в предперестроечные годы возникли предложения

дополнить «распределение по труду» «распределением (или «дораспределением») по стоимости», т.е. по конечным результатам деятельности предприятий как товаропроизводителей. В зародышевой форме это было заложено в косыгинскую реформу (создание фондов экономического стимулирования работников предприятия). Тогда эта робкая попытка оказалась раздавленной под тяжестью административно-командной системы.

Иной, в основном, положительной оценки (в том числе и с точки зрения равенства людей и социальной справедливости) заслуживает советский опыт удовлетворения нематериальных потребностей людей (образование, здравоохранение, рекреация и спорт, культура), обеспечение членов общества, утративших трудоспособность или не достигших трудоспособного возраста. Полное или частичное возмещение обществом расходов на эти цели в той или иной степени выравнивает доступ граждан к ряду жизненно важных благ, создает для них более или менее равные стартовые условия физического и духовного развития. Вместе с тем, не подрываются и стимулы созидательной деятельности человека.

Конечно, советская система «общественных фондов потребления» была довольно скромной, далекой от совершенства, но она шла в русле общецивилизационной тенденции преодоления социального неравенства там, где оно не играет стимулирующей роли, но порождает отрицательные последствия (например, снижение темпов роста населения).

В процессе перестройки были намечены и начали осуществляться серьезные преобразования отношений собственности и распределения, сложившихся на предшествующих этапах, в направлении их деэтактизации, плюрализации собственности, развития рыночных начал, преодоления

уровнировки. Так, экономической реформой 1987 года было положено начало коммерциализации предприятий и превращения их в реальных агентов рыночных отношений, с полной самоокупаемостью на основе либо валового, либо чистого дохода, с прямой зависимостью заработной платы персонала от результатов деятельности предприятий как самостоятельных товаропроизводителей. Был открыт шлагбаум для развития кооперативного и индивидуального предпринимательства, сняты ограничения для заработанных доходов. Это были первые шаги, развитие которых неизбежно вывело бы советскую экономику на путь современного рыночного хозяйства.

Одновременно началось реформирование и системы общественных фондов потребления. Был отвергнут остаточный принцип финансирования социальной сферы, началась модернизация сферы образования и здравоохранения (с сохранением и умножением положительного опыта), социального обеспечения. Можно утверждать, что все это помогло бы найти сочетание «равенства – неравенства», отвечающее тенденциям современного социально-экономического развития.

Срыв перестройки перевел перемены в стране в другое русло – радикал-либеральной ломки социально-экономических институтов, растаскивания государственной собственности, стихийного становления рыночных отношений, насаждения нравов дикого капитализма. Это ввергло страну в беспрецедентный по тяжести и продолжительности экономический кризис, вызвало глубокое падение жизненного уровня основных слоев населения и настоящий взрыв социально-экономического неравенства.

Лишь благоприятное стечение обстоятельств в конце 1990-х гг. – начале нового десятилетия, главным образом, внешнего

характера (падение валютного курса рубля после дефолта 1998 года и пятикратное повышение мировых цен на нефть), позволило выйти из острой фазы кризиса, хотя тяжелая ситуация сохраняется в ряде важных сегментов народного хозяйства, особенно в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, и, конечно, в социальной сфере. Остается непомерным разрыв в уровне доходов не говоря уж об имущественном неравенстве, проблеме бедности и нищеты больших слоев населения.

От решения этих проблем во многом зависит будущее страны. Было бы опрометчиво считать, что оно придет само собой в результате стихийно-рыночного развития. Нужна публичная политика, тщательно разработанная государством на широкой демократической основе с максимальным привлечением институтов гражданского общества. В основе такой политики должны лежать не абстрактные догмы, утопические идеи и ностальгические переживания, а потребности и тенденции постиндустриальной трансформации современного общества и социального прогресса, с учетом реального опыта страны и ее традиций.

***Преодоление отчуждения человека от собственности
и демократизация капитала***

Проблема «равенства-неравенства» связана, прежде всего, с отношениями собственности. Понятие собственности в экономическом смысле по определению включает в себя неравенство людей. Обладание собственностью и ее возрастание является главными стимулом трудовой и предпринимательской деятельности. Он остается таковым и в условиях современной рыночной экономики, переживающей постиндустриальную трансформацию. Проблема равенства людей в сфере собственности и общественного богатства, не снимается, но она не может быть

решена «одним ударом» - например, национализацией или разделом общественного богатства между людьми, неизбежно ведущих к ослаблению или подрыву стимулов экономического развития, а значит, к замедлению общественного прогресса.

Путь здесь, по-видимому, другой – в расширении возможностей реального доступа к различным видам общественного богатства посредством развития гибкой, плюралистической системы форм собственности, участия в управлении ею, иначе говоря, – в демократизации отношений собственности. Это не ослабляет стимулы экономической деятельности людей, но, напротив, расширяет их сферу и придает большую действенность.

Объективные основы для этих процессов возникают в условиях начавшейся постиндустриальной трансформации общества и структуры общественного богатства и капитала. На первое место по своему значению в социально-экономической динамике выходит интеллектуальный капитал. В отличие от данного природой естественного или созданного человеком материально-вещественного богатства он неотделим от человека, является его личным достоянием. Интеллектуальный капитал еще не приобрел соответствующего его роли экономического и юридического статуса, но не вызывает сомнений, что эта роль будет быстро возрастать. Проблема равенства в этом контексте связана с обеспечением равных условий для приобщения членов общества к образованию, науке и культуре, развитию и применению своих способностей.

Весьма показательными с точки зрения демократизации капитала являются происходящие в развитых странах процессы изменения традиционных форм собственности. Это – институционализация и деперсонификация корпоративного капитала.

Крупнейшими акционерами становятся пенсионные, страховые, инвестиционные фонды, за которыми стоят миллионы и десятки миллионов вкладчиков, расширяется и усложняется перекрестное владение акциями между корпорациями, вырастает сложная система холдингов, трастов, финансово-промышленных групп.

Наблюдается ренессанс малого и среднего бизнеса. В значительной степени он опирается на современную технологическую основу и интеллектуальный капитал и оказывает современные высококачественные личные и производственные услуги: инновационные, информационные, финансовые, туристические и т.д. В малом и среднем бизнесе занята значительная, а то и преобладающая часть трудоспособного населения развитых стран. Находят свое место и различные виды коллективной и совместной собственности (например, ESOP), особенно там, где применяется в основном массив интеллектуального капитала и не требуются большие материальные вложения.

В 1980-е – 1990-е гг. в развитых странах возобладала тенденция к приватизации государственной собственности, но она сохраняет важное место, в частности, в инфраструктурных отраслях, на оборонных производствах.

Многообразие форм собственности и типов хозяйствования, полиформатичность экономики придают ей гибкость и подвижность, способность к быстрой переналадке и самонастройке в условиях постиндустриальной трансформации. Они размывают грани между общественной и частной собственностью, способствуют преодолению, или, во всяком случае, смягчают антагонизмы в отношениях собственности и управления.

Следует оговориться, что выше шла речь о неких положительных, можно сказать, позитивных тенденциях развития отношений собственности, отражающих потребности постиндустриализма. Разумеется, в развитых странах сохраняются болезни и противоречия традиционного капитализма, возникают новые проблемы и вызовы, ответ на которые не найден или встречает сильнейшее противодействие.

В решении российских проблем в сфере отношений собственности должен учитываться (но не механически переноситься) мировой опыт, как и реальные особенности и традиции собственной страны. На практике же «революция в собственности», осуществленная в России по радикал-либеральным рецептам, по существу игнорировала и то, и другое. Она выразилась в хищническом растаскивании государственной собственности. Наиболее лакомые куски общественного богатства оказались в руках новых олигархов, тесно связанных с верхушкой власти, а основная масса населения лишилась как формального статуса, так и реального доступа к бывшему общественному достоянию.

В собственность граждан (городских жителей, да и то не всех) перешло из государственного фонда лишь скромное жилье. В результате выкупа существовавших и возникновения новых мелких и средних предприятий образовался некий средний слой собственников, но его удельный вес очень далек от современных стандартов.

В целом же поляризация владения собственностью остается беспрецедентно высокой. И в то же время, она далеко не всегда создает стимулы экономической деятельности. С одной стороны, крупные состояния подчас приобретают потребительски-показной характер (приобретение особняков, сверх дорогих машин, яхт,

футбольных клубов и т.д.), вывозятся за границу. А с другой – у массы малоимущих, особенно в депрессивных отраслях и регионах, атрофированы стимулы трудовой и деловой активности.

Неравенство в доходах: современные тенденции

Наиболее чувствительной социальной проблемой является неравенство в доходах. Подчас проблема экономического неравенства вообще сводится к различиям в доходах, а борьба с неравенством – к уменьшению этих различий.

Современные процессы постиндустриальной трансформации оказывают большое влияние на структуру и динамику доходов населения. В развитых странах наблюдается сравнительно быстрый и практически неуклонный рост как объема доходов, так и их величины в расчете на душу населения, что привело в последней трети прошлого – начале нынешнего века к значительному повышению и качественному изменению жизни основной массы населения.

Что касается структуры доходов, то в их составе растет доля доходов от предпринимательства, в том числе от среднего и малого бизнеса, от ценных бумаг, вкладов в различные фонды, социальных трансфертов, а снижается удельный вес заработной платы. При этом трактовка самого понятия заработной платы нуждается в существенной корректировке с учетом глубоких сдвигов в системе социально-экономических отношений в обществе.

Представляется, что форма заработной платы и лежащая в ее основе система наемного труда во многом утрачивает прежнее «классическое содержание» - как отношение между собственниками капитала и неимущими пролетариями. Это связано с деперсонификацией капитала, о чем уже говорилось, а также с тем, что отношения между владельцами акционерного капитала и

наемным персоналом опосредуются менеджментом, к которому переходят главные функции в экономическом процессе.

Но самое важное состоит в том, что все большая часть наемных работников – инженеры и технологи, квалифицированные рабочие, исследователи и разработчики, управленцы, специалисты по маркетингу и финансам – выступают уже не в качестве неимущих продавцов рабочей силы, а как носители и владельцы интеллектуального капитала – главного фактора повышения эффективности современного производства. Через повышенные оклады, премии они участвуют в конечных доходах корпораций, не говоря уже о том, что во многих случаях они являются владельцами их акций. Таким образом, заработная плата превращается в форму дохода от договорного сотрудничества по использованию производственных ресурсов, включая интеллектуальный капитал.

В связи с этим сглаживаются прежние социальные различия и жесткие границы между социальными группами и слоями, сужается дифференциация, усиливается вертикальная и горизонтальная мобильность. Значительную, или даже основную, часть населения развитых стран сейчас принято относить к среднему классу. Это – скорее собирательное понятие, обнимающее собой не только мелких и средних предпринимателей, но и наемных работников корпораций, государственных и муниципальных структур, лиц свободных профессий с определенным уровнем доходов и вытекающими из них некоторыми чертами образа жизни и быта.

Конечно, и в развитых странах нельзя считать решенными проблемы «равенства-неравенства» в доходах, бедности значительных слоев населения, вызывающей роскоши и расточительности богачей. Но при всем этом обобщающие параметры разброса в доходах приобрели некую устойчивость и не

очень сильно различаются по развитым странам. Это относится, например, к соотношению среднедушевых доходов в верхних и нижних 10%-ных группах населения.

С этой картиной резко контрастируют процессы «революции в доходах», происшедшие в 1990-х гг. в России. Вместе с разрушением советской системы хозяйства ушли в прошлое уравнивательные тенденции в распределении, но маятник резко качнулся в противоположную сторону и застрял на максимуме неравенства в доходах. При общем падении реальных доходов более чем вдвое даже по официальным данным треть, а фактически более половины, населения оказались за чертой бедности.

Резко выросли межотраслевые и территориальные разрывы в доходах. Наиболее сильно пострадали работники высокотехнологичных отраслей ВПК, науки, социальной сферы, а также гражданского машиностроения, сельского хозяйства. Сравнительно высокая зарплата сложилась в добывающей промышленности (нефть и газ) и первичной переработке сырья (металлургия, химия), работающих на экспорт, банковско-финансовой сфере, торговле, страховом и другом посредническом бизнесе. Территориальные разрывы в доходах также обусловлены, главным образом, степенью связи местной экономики с экспортом продукции, приграничной торговлей.

На этом фоне вызывающе выглядят непомерные и быстро растущие доходы верхушки крупного бизнеса и связанного с ними чиновничества. Отсутствие мощного среднего класса еще больше обостряет поляризацию доходов. Для слоев населения в застойных отраслях и регионах длительно сохраняющиеся низкие доходы перестают выполнять стимулирующую роль, порождают настоящую безысходность.

В последние годы в условиях оживления экономики и выхода из острой фазы кризиса доходы населения выросли, но они не достигли уровня 1990-го года. Остается глубоким, резко отличающимся от развитых стран разрыв в доходах верхних и нижних слоев населения. Его сокращение и приведение к некоему значению, необходимому для сочетания сильных экономических стимулов с социальной стабильностью, остается главной проблемой социальной политики.

***Общественные блага и социальные трансферты
в системе «равенство-неравенство»***

В современных условиях важнейшая роль в смягчении социального неравенства принадлежит перераспределению доходов, обеспечивающего или облегчающего доступ людей к услугам здравоохранения, образования, науки и культуры, а также содержание членов общества, утративших или еще не приобретших трудоспособность.

Социальная роль государства в современном обществе – предмет острой научной дискуссии и политической борьбы. Сторонники минимизации этой роли апеллируют к законам рыночной экономики и полагают, что услуги социальной сферы – это такие же товары, что и материальные блага, реализуемые через механизм спроса и предложения и погруженные в конкурентную среду. Их полная или частичная бесплатность для людей выключает отрасли социальной сферы из рыночных отношений, ослабляет стимулы экономической деятельности как у создателей, так и потребителей этих благ, порождает иждивенчество и уравниловку.

Этой консервативно-догматической рыночной идеологии противостоит концепция социального государства, учитывающая потребности и тенденции современных трансформационных

процессов. Она обосновывается рядом серьезных аргументов, игнорировать которые невозможно.

Прежде всего, социальная сфера и создаваемые в ней блага выполняют особую функцию – воспроизводство и накопление интеллектуального капитала, в котором заинтересовано все общество, а не только отдельно взятые индивидуумы. Оно должно быть уделом не только частной инициативы, а предметом усилий всего общества. Более или менее равный доступ к социальным благам – не только справедлив, но и необходим с точки зрения интересов и преумножения человеческого капитала. Он практически реализуется путем большего или меньшего возмещения затрат в социальной сфере за счет государственного бюджета.

Обоснование особой роли государства в нематериальном производстве основано также на так называемой «болезни Баумоля»: относительном удорожании продукции (услуг) социальной сферы в сравнении с материальными благами. Производительность труда и эффективность материальных затрат в социальной сфере, измеряемые непосредственными, элементарными результатами (численность учащихся, зрителей кино и театров, посетителей музеев, объем медицинских услуг, приходящихся на единицу затрат живого и овеществленного труда) может вообще не повышаться и даже падать. В силу этого она действительно, на чисто рыночных, коммерческих началах, не вынесет конкуренции с материальным производством и будет обречена на прозябание и деградацию.

Но все дело в том, что в современном обществе с учетом не только непосредственных, но и конечных результатов затраты и вложения в социальную сферу, т.е. в человеческий капитал, наиболее эффективны. В первую очередь, это относится к образованию и науке, а также к здравоохранению. Затраты на

культуру также оказывают многогранное влияние на развитие человека, повышение его творческой дееспособности. Традиционный рынок реализовать эту функцию социальной сферы не в состоянии. Нельзя не учитывать и того, что не все вновь возникающие потребности сразу становятся массовыми и заявляются как таковые на рынке.

Роль государства в социальной сфере не означает, что она полностью освобождается от рыночных отношений. Без соревновательности, конкуренции за потребителей были бы ослаблены стимулы повышения качества социальных услуг. Видимо, выход состоит в сочетании двух начал – равного и безвозмездного доступа людей к базовому общественно необходимому кругу и качеству социальных услуг с коммерческими, рыночными механизмами их создания и реализации. Мера такого сочетания зависит от характера потребностей и самих благ.

Другая важная функция государства в социальной сфере – поддержание людей, не достигших трудоспособности или утративших ее – осуществляется через систему бюджетных трансфертов. Она способствует преодолению неравенства между семейными (домашними) хозяйствами, вытекающего из разного состава семей (числа детей, пенсионеров, инвалидов). Как уже говорилось, такое неравенство не повышает стимулы экономической деятельности, но негативно влияет на динамику демографических процессов.

В целом социальные функции в современных развитых государствах приобретают системный характер. Без них немислимо общественное развитие. Конечно, их конкретные параметры неодинаковы в разных странах, испытывают определенные колебания, зависят от экономической конъюнктуры, а также от

традиционных особенностей отдельных стран и социально-экономической политики правительств. В основных европейских странах социальные расходы государств составляют 25 – 30% ВВП (из них более половины – социальные трансферты), в США – около 20% (более половины – социальные трансферты), в Японии – около 20% ВВП (трансферты – менее половины). На социальные цели тратится до половины и более расходов государственных бюджетов.

Социальной сфере России в 1990-х гг. был нанесен тяжелый удар. Он явился результатом не только двукратного падения ВВП, но и осознанной (если можно так сказать) радикал-либеральной линии на свертывание роли государства в этой сфере, демонтаже советского наследия. Произошло резкое снижение не только объема, но и доли ВВП и бюджетных расходов на образование и науку, здравоохранение и культуру, социальных трансфертов. Реальный размер пенсий сведен к величине, далеко отстающей от явно заниженного минимального прожиточного минимума. Одновременно возникла система дорогостоящих платных услуг для узкого состоятельного слоя населения. Социальное обслуживание из сферы смягчения неравенства превратилось в средство его резкого усиления.

В конце 1990-х гг. и начале нового столетия предприняты некоторые шаги по увеличению государственной помощи отраслям социальной сферы. Что же касается определения политики государства в социальной сфере, то она, судя по усиленно проталкиваемым реформам образования, науки и здравоохранения, остается в основном прежней и не выходит за пределы минимизации социальной роли государства.

Социальная корпоративная ответственность

Важным фактором, влияющим на отношения «равенства-неравенства» в современных условиях выступает социальное поведение основных хозяйствующих субъектов – корпораций. Речь идет не только об их политике в оплате труда, но и внимании к социальным нуждам своего персонала, потребностям населения в местах дислокации производства, благотворительной поддержке отдельных проектов в образовании, науке и культуре.

Такое внимание продиктовано разнородными факторами – интересами повышения конкурентоспособности, усиления позиций на рынке труда, создания благоприятного климата во внутрифирменных отношениях, повышения имиджа фирмы. Так или иначе, феномен социальных расходов корпораций в современной экономике достиг значительных масштабов и также приобрел системный характер. В США, например, эти расходы сопоставимы с государственными затратами на общественные услуги.

Конечно, главная цель корпораций – прибыль, а их основной социальный долг – обеспечивать занятость, достойную зарплату, честно платить налоги. Это особенно актуально для российской реальности, где уровень оплаты труда в большинстве отраслей непомерно низкий, а сокрытие доходов от налогообложения приобрело массовые масштабы. Но цивилизованный бизнес, не уклоняющийся от налогов, было бы вряд ли правильно не поощрять и за прямое участие в решении социальных вопросов, не зависимо от мотивов такого участия. Оно заслуживает всяческой поддержки со стороны государства, прежде всего, в виде полного или частичного освобождения корпоративных социальных расходов от налогов.

Уместно напомнить, что в советское время общегосударственная социальная система сочеталась с «заводской

социальной», которая, в свою очередь, наследовала лучшие традиции дореволюционного российского предпринимательства. Она включала в себя лечебные, рекреационные, детские учреждения, пионерлагеря, спортзалы и стадионы, льготный общепит и жилищно-коммунальное хозяйство, материальную помощь нуждающимся, не говоря о затратах на подготовку и повышение квалификации работников.

В этом опыте отразились особенность и специфические черты советской экономики, в том числе неравномерность развития общегосударственной социальной сферы. Во многих случаях «заводская социалка» создавалась в городах и рабочих поселках вокруг вновь построенных крупных предприятий. Дело не обошлось без определенных ведомственных перекосов и появления привилегий для персонала государственного, ведомственного и регионального управления. Однако линию на разрушение «заводской социалки», взятую в 1990-е гг., нельзя считать оправданной. Авторы и проводники радикал-либеральной линии обосновывали ее тем, что социальные затраты предприятий делают их неконкурентоспособными в рыночной экономике. Это – надуманный аргумент, а скорее предлог для решения навязчивой «сверхзадачи» - как можно быстрее покончить с советским наследством, с «пережитками социализма», не разбираясь в том, что в них идет от административно-командной системы, а что отвечает реальным потребностям и современным тенденциям.

Неконкурентоспособными предприятия оказались в 1990-е гг. отнюдь не из-за их социальных издержек. Они составляли не более 10% от затрат предприятий на заработную плату и отчислений на социальное страхование, которые, в свою очередь, составляли менее 15% издержек производства промышленной продукции. Речь идет,

таким образом, об 1–1,5% издержек, причем очень эффективных с социально-экономической точки зрения. Именно они сыграли положительную роль в сохранении персонала предприятий в 1990-е гг. в условиях резкого понижения зарплаты и неполной занятости.

В сегодняшней России встает проблема выбора модели социального поведения и ответственности бизнеса с учетом мировых тенденций СКО и собственного опыта, выработки соответствующей публичной политики и координации действий федеральных, региональных и муниципальных органов. При этом необходимо учитывать противоречивое влияние социальной активности бизнеса на отношения «равенства-неравенства». С одной стороны, в определенной мере выравниваются условия доступа к социальным услугам для различных категорий персонала, а с другой – могут усиливаться различия в реальных доходах между работниками различных корпораций, а также в территориальном разрезе. Публичная политика призвана способствовать первому и смягчать второе.

Гражданские и политические аспекты социально-экономического «равенства-неравенства»

Социально-экономическое «равенство-неравенство» важно само по себе, но оно оказывает решающее влияние на всю систему общественных отношений, политическую и психологическую ситуацию в обществе, степень ее стабильности.

Подвижки в отношениях собственности, распределении доходов в современном обществе, при всей противоречивости своих последствий, ведут к размыванию классовых различий, жестко детерминированных границ между социальными группами и слоями, сужению границ социальной дифференциации, усилению мобильности социальных структур и их характера (сетевые структуры?). Классовая борьба уступает место социальному сотрудничеству и партнерству, причем не только на микро-, но и на мезо- и на макроуровнях.

В рамках фирм отношения наемного труда, сохраняя прежнюю форму, трансформируются в направлении договорного сотрудничества по использованию производственных ресурсов, в частности человеческого капитала. С ним связаны растущее участие работников в управлении фирмой и ее потребностями, в распределении прибыли, коллективные формы трудовой мотивации в организации труда. На региональном, отраслевом и национальном уровнях субъектами социального партнерства выступают союзы и объединения трудящихся, предпринимателей, другие институты гражданского общества, государственные и муниципальные органы. Для согласования интересов используются различного рода консенсусные механизмы и неформальные структуры: клубы, постоянные или временные согласительные комиссии и т.д. Все это

позволяет некоторым авторам характеризовать современную экономику как «экономику согласия и доверия».

Конечно, и в этом вопросе впасть в преувеличение, и тем более в эйфорию, не следует. Различия в интересах, несмотря на смягчение, остаются и могут обостряться и вызывать острые конфликты (пример: забастовки авиадиспетчеров на почве недооценки их труда). Весьма далека от решения проблема бедности и маргинализации населения – главный источник социальной нестабильности, политического экстремизма и преступности. Не теряет своей актуальности, а напротив, требует совершенствования и строго соблюдения антимонопольное законодательство.

И тем не менее, социально-политическая обстановка в развитых странах меняется под знаком стабильности и смягчения противоречий. В течение полувека развитие здесь шло без политических взрывов и потрясений национального масштаба, а перемены в политических настроениях не выходили за пределы колебаний в двухпартийной системе предпочтений.

Иная ситуация в России. Развитие событий в стране с конца 1980-х – начала 1990-х гг. происходило в обстановке острой политической борьбы, сопровождавшейся катаклизмами национального масштаба (распад Союза) и применением насилия с человеческими жертвами (август 1991 г., октябрь 1993 г.). В большой, если не решающей степени такая острота политических противоречий обусловлена социально-экономическими причинами – снижением уровня жизни людей и беспрецедентным нарастанием социального неравенства.

Положительная динамика в экономике и уровне жизни населения, начиная с 1999 г., способствовала определенной

политической стабилизации, повышению степени доверия к высшей исполнительной власти.

Однако при этом уровень производства и реальных доходов населения конца 80-х гг. так еще и не достигнут. А имущественная дифференциация населения, разрывы в доходах и уровне жизни различных слоев населения остаются несравненно большими, чем в советское время.

Вопиющему, выставляемому на показ богатству, роскоши и расточительности верхушки общества противостоит нищета и застойная бедность больших слоев населения. Масла в огонь подливает настойчивое стремление осуществить реформирование социальной сферы на радикал-либеральный манер. Они питают ностальгические настроения в пользу советского прошлого, политическую апатию и пессимизм.

Социальное недовольство пока выливается в протестное голосование на выборах за оппозиционные партии и голосование против всех, канализируется правящим режимом в сторону Федерального Собрания и Правительства, направляется против отдельных олигархов, но иногда прорывается в виде массовых выступлений. Но все это «до поры до времени»: скрытое недовольство при достижении критической массы может вызвать социальный взрыв. Чтобы не допустить такого развития событий требуется разработка на демократической основе, с участием гражданского общества, публичной социальной политики, отвечающей современным условиям и потребностям общественного развития.

Медведев В.А. (*вступительное слово*).

Уважаемые коллеги! Сегодняшней встречей стартует наш проект «Социальное неравенство и публичная политика».

Хочу передать Вам привет и пожелания успехов от М.С.Горбачева, под патронажем которого будет выполняться проект. Он хотел принять участие в сегодняшнем обсуждении, но приболел и находится дома.

Прежде чем комментировать представленный мною доклад, хочу затронуть некоторые организационные вопросы, чтобы потом к ним не возвращаться. У вас есть краткое изложение сути проекта в его последнем варианте, календарный план работы и условия ее оплаты. Определился и основной состав участников. Это три работника Фонда - руководитель, координатор и менеджер проекта, руководители и участники пяти направлений. Всего 12 человек.

Что касается этапов работы, то нам предстоит, кроме сегодняшнего, первого семинара, провести еще пять семинаров по основным направлениям проекта. Кроме постоянных участников проекта к обсуждению будут привлекаться и «внешние» эксперты. Доклады на семинарах с учетом обсуждения после доработки будут трансформироваться в разделы доклада и также обсуждены на наших встречах. За этим последует интеграция разделов в единый доклад, который подвергнется еще одному обсуждению с участием экспертов. Имеется в виду создание сжатой записки по итогам проекта и выводам для практической социальной политики. Всю эту работу предстоит провести до конца июня следующего года.

Что касается финансирования, то оно пока заложено, исходя из тех средств, которые имеются в Фонде, пока без учета других возможных источников. Эта проблема не снимается, а, наоборот, актуализируется. Надо изыскивать средства на проведение

социологического опроса, без которого не обойтись, а также на издание книги. Привлечение дополнительных средств позволит увеличить оплату участников проекта.

Переходя к теме сегодняшнего семинара, хочу отметить, что он носит затравочный характер и призван положить начало коллективному творческому процессу. Поэтому проводится в более узком составе.

Что мне представляется важным для сегодняшней дискуссии? Во-первых, обмен мнениями по понятийному аппарату, чтобы в дальнейшем мы лучше понимали друг друга в совместной творческой работе. Это относится прежде всего к смыслу и границам понятий – неравенство и равенство, социальная справедливость, социальная сфера, социальные потребности, их структура и т.д., и т.д.

Во-вторых, сегодня нам надо более четко представить особенности этого проекта. Его предметом является не одна какая-либо область экономической и социальной жизни, а сквозная проблема, пронизывающая все основные сферы. В ходе исследовательской работы нам предстоит проанализировать проявление социального неравенства в этих сферах, не претендуя на исследование их в полном объеме и по существу. Да это и невозможно в рамках такого сравнительно небольшого проекта. Мы должны попытаться найти пути и меры оптимизации «равства-неравенства», обеспечивающего сочетание экономического динамизма и социальной справедливости. И все это для обоснования публичной политики в социально-экономической сфере.

В-третьих, перед нами неизбежно возникнет необходимость выработки общих подходов к решению проблем социального равенства, к оценке уже известных моделей социально-

экономического развития с точки зрения равенства-неравенства. Среди них – советская модель, которую можно характеризовать как модель тотальной социализации, консервативно-либеральная, умеренно-либеральная и социал-демократическая модели.

Но выбор модели должен не предшествовать исследованию, а завершать его. То есть идти не от догм, предположим, от социал-демократической модели, которой все мы в той или иной мере симпатизируем, а от реального анализа современных процессов экономического и социального развития и потом уже выходить на общие выводы. Может быть, это будет вообще какая-то новая модель.

В-четвертых, в нашем проекте надо по возможности каждому из нас сочетать экономический, социальный и политический аспекты. Работая над представленным вам текстом, я еще раз убедился в том, что мне, как экономисту, нелегко выйти за рамки экономического подхода. Между прочим, поэтому я предлагаю следующий семинар провести, нарушив логику, по пятому социально-политическому направлению нашего проекта с докладом Ю.А.Красина. Тем сам компенсировать односторонность моих постановок проблем и придать нашему исследованию междисциплинарный подход.

Мой доклад не обладает некоторыми классическими параметрами этого жанра. В нем нет обширных статистических выкладок, ссылок на литературу, хотя вы могли заметить, что за многими общими положениями стоит реакция на определенные авторские позиции.

Этот доклад не претендует на то, чтобы быть основой раздела итогового доклада. Конечно, какое-то введение потребуется. Но оно

будет выглядеть совсем иначе, чем то, что написано здесь, - будущее покажет.

Я видел свою задачу в том, чтобы предложить некоторые подходы, общеметодологические аспекты нашего проекта. И тем самым положить начало и дать импульс решению самой, мне кажется, сложной задачи, чтобы наш итоговый продукт был не просто сложением отдельных докладов, а чтобы он имел некую цельность – не только структурную, но и содержательную, прежде всего методологическую. Эту задачу, конечно, сразу мы не решим. Потребуется неоднократные итерации в этом направлении. Но, мне кажется, что такая общая дискуссия будет полезной.

И, наконец, хотел бы сделать еще одну оговорку, связанную с тем, что этот материал был подготовлен до того, как достоянием гласности стали инициативы Путина от 5 сентября, наметившиеся важные подвижки в социальной политике нашего государства. Наверное, они найдут отклик в сегодняшнем обсуждении.

Что касается моей позиции, то она кратко состоит в следующем. Считаю, что меры, предложенные президентом, являются ответом на острые проблемы социальной сферы, волнующие нашу общественность. Сомнений в их необходимости нет. Но при дальнейшем их анализе возникает немало вопросов. Один из них связан с тем, что в этих предложениях забыта сфера культуры. Почему? Разве можно социальную сферу разделить на куски, где одним вдвое повысить заработную плату, а о других – ни слова? Где работники библиотек, музеев, культпросвета, не говоря уже о творческой интеллигенции?

Реплика. Да и в здравоохранении, образовании эти меры касаются не всех.

Медведев В.А. На меня обратило внимание также и то, что предложенные меры по решению социальных проблем поставлены в отрыве от проблем эффективности экономики. Остается неясным, как поворот в социальной политике вписывается в общую социально-экономическую программу страны. Нельзя забывать социальные вопросы и тем более придавать их остракизму, но нельзя их и отделять от проблем эффективности экономики. Все это требует обсуждения. Я думаю, что в процессе работы мы еще не раз будем возвращаться к этому.

Таковы мои краткие комментарии. Я хотел бы пригласить вас к дискуссии.

Мы имеем в своем распоряжении 2-2,5 часа. Время есть, и я не стал бы устанавливать какие-то ограничения по регламенту.

Слово имеет Алексей Юрьевич Шевяков.

Шевяков А.Ю.

Проблема социально-экономического неравенства, с одной стороны, важная, с другой стороны, как показывают исследования нашего института, достаточно необъятная и сложная. Тут я хотел бы отметить несколько моментов – как неравенство измерять, как оно сочетается с экономическими процессами и т.д.

Первый момент, который очень важный, но мы о нем очень мало говорим. Если вы посмотрите литературу за последние лет десять по проблеме социального неравенства (я сейчас не буду говорить о политических аспектах), то увидите, что даже по такому показателю, как децильный коэффициент дифференциации, - который традиционно используется у нас (практически в 90 процентах исследований, говоря о неравенстве, дальше этого не идут), - есть серьезные драматические разногласия. Оценки колеблются от достаточно умеренных – от 7-8 до 65 раз в среднем по России.

Госкомстат утверждает, что у нас сейчас доходы десяти нижних и верхних процентов населения разнятся в 14-15 раз. Мы считаем, что у нас коэффициент дифференциации по доходам - порядка 30. Как вы думаете – как этот коэффициент может быть 15, если по обследованиям заработной платы в марте нынешнего года этот коэффициент равен 26?! У нас что, есть сильные, серьезные демпферы, которые снижают это неравенство по общим доходам в два раза? Наоборот, действуют механизмы, которые увеличивают это неравенство.

Реплика. Да еще теневая экономика.

Шевяков А.Ю. Теневая экономика дает добавку к доходам примерно в 30 процентов. Но в основном тоже углубляет неравенство. Бедным дает 5%, а богатым – 40-45%.

Возникает методологическая проблема, как оценить коэффициент дифференциации. Мы этим занимаемся уже около 15 лет. Более-менее, как мы считаем, выяснили, в чем дело.

Если говорить о расхождении официальных и наших оценок, то я прекрасно понимаю, что Госкомстат работает как машина. У него есть старая методология. Перейти на новую – это достаточно серьезная и сложная работа. Не говоря о том, что для того, чтобы иметь какой-то сопоставимый динамический ряд, нужно в обратном порядке просчитать по новой методологии эти ряды.

Итак, мы приходим к выводу, что у нас неравенство во многом больше официальных оценок, которые, к сожалению, вводят в заблуждение ученых, специалистов и политиков, специально этим не занимающихся. Но если мы говорим об остроте социальных проблем, ошибка в два раза в этом показателе, а может быть, даже и больше – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Это в среднем по России. А если мы берем данные по регионам, то обнаруживаются еще более вопиющие контрасты между богатыми и бедными. Даже социальные трансферты, которые идут со стороны федерального центра, идут в основном богатым - порядка 40 процентов этих трансфертов идет в первую 20-процентную группу. А дифференциация по собственности составляет порядка 150-200. Но это - разговор особый.

А как в других странах? Коэффициент дифференциации по доходам в Америке – где-то 12-14. Она, наверное, лидер среди развитых стран. В Европе он уже намного меньше, а в Финляндии вообще ориентируются на коэффициент 3. Там даже штрафы взимаются таким образом, что если у тебя доход большой, то с тебя могут 150 тыс.долларов штрафа взять за превышение скорости, а не 30, как с бедного или малоимущего.

Проблема неравенства у нас усугубляется тем, что под риторику о рыночных реформах, экономической свободе и т.д. выдвигается лозунг устранения государства из социальной сферы и распределительных отношений и совершенно упускается из виду, что в развитых странах государство от распределительных не только не устранилось, а наоборот. Прежде всего это налоги. Плоская шкала подоходного налога, я не знаю – где еще в каких странах.

Реплика. В Эстонии....

Шевяков А.Ю. Они, наверное, с нас брали пример. Везде налоги прогрессивные. Чем более ты богатый, тем больше налог. Везде основную долю налогов и бюджета составляют налоги с собственности, а не с бизнеса. Бизнес у нас, может быть, обложен не так уж жестко, но его доля в общей массе налогов 80-90%. Но мы не добираем за счет того, что ставки налогов на собственность на 2-3 порядка ниже, чем в развитых странах и мы даже собственность толком не можем оценить. А это как раз и есть источник того, что позволяет пополнить бюджет и финансировать ту самую социальную сферу. Мы примерно в два раза недофинансируем по сравнению с развитыми странами так называемый сектор новой экономики и социальную сферу.

Теперь о бедности. Когда говорим о бедности, мы слышим: удвоим ВВП, и проблема бедности также снизится в два раза. Совершенно неправильно. Во-первых, опыт всех развивающихся стран показал, что ни у кого это так не происходило, если государство не начинало вмешиваться в этот процесс. Бедность, неравенство становятся сегодня фактически факторами, уже тормозящими общее экономическое развитие, отрицательно влияют на демографические показатели и т.д.

Поэтому вроде бы порочный круг. Надо удваивать ВВП – бедность мешает. Не удвоим ВВП – не уберем бедность. На самом деле, даже удвоив ВВП, мы бедность не уберем. Хотя бы потому, что есть еще огромная проблема - ненормальное неравенство регионов и территорий. У нас неравенство регионов выше, чем индивидуальное неравенство доходов в Европе. О чем это говорит? О каком едином экономическом пространстве можно говорить, когда у нас такое неравенство и разность в регионах по уровню жизни на целый порядок. Я уже не говорю о том, что полететь на Камчатку стоит дороже, чем слетать в Западную Европу.

Мы измеряем нашу бедность абсолютным показателем, т.е. сопоставлением доходов с прожиточным минимумом, сравнением реальных доходов с половиной или двумя третями среднедушевого дохода. У нас абсолютная бедность по регионам колеблется от 10-12% в Москве до 90 процентов в бедных регионах. И если мы даже в два раза уменьшим бедность, то в некоторых регионах бедность все равно останется на уровне 60 процентов.

В современном мире людям, и бедным в том числе, необходимо приобщаться к Интернету, сотовым телефонам, и они начинают себе отказывать в еде и в удовлетворении физиологических потребностей ради того, чтобы на фоне всего общества не выглядеть ущербными. Понятие относительной бедности сейчас становится достаточно серьезным. А по этому показателю у нас вообще получается нонсенс: самый высокий относительный показатель бедности в самых богатых регионах – в Москве. При двух третях – 57, при половине доходов – 48 процентов бедных. То есть идет совершенно жуткая концентрация доходов в высокой группе.

Медведев В.А. По меркам других регионов, бедные в Москве являются чуть ли не состоятельными людьми.

Шевяков А.Ю. А разница между Москвой и регионами – на порядок, в 10 раз. Такое неравенство вообще разрывает страну. Уже разорвало на две части. Та, которая обслуживает все добывающие отрасли и рядом с ними лежащие ресурсы, и все остальное, которое деградирует или уже деградировало. Эта проблема очень серьезна. Она на самом деле, может быть, для целостности страны более серьезна, чем даже простое неравенство доходов.

Еще очень интересный момент. К сожалению, говоря о неравенстве, как правило, дальше одного показателя – коэффициента дифференциации или коэффициента фондов – не идут.

Сегодня этого уже недостаточно для понимания взаимосвязи экономических и социальных факторов, и, как показывает наш анализ, без структурного анализа характеристик неравенства никакие содержательные выводы невозможны. Объясню. Неравенство, даже в терминах коэффициента дифференциации, может быть и хорошим, и плохим. 15 – это хорошо или плохо? Все не так просто. Потому что надо посмотреть – а чем оно определяется. Если оно определяется тем, что есть много богатых и более-менее хороший средний класс и совсем мало бедных, это неплохо. Тогда это неравенство стимулирует активность. Или оно определяется тем, что есть мало богатых, немножко среднего класса, а все остальные – бедные. Цифра будет одна и та же.

Или возьмем Америку, где 5 процентов – бедных. Но как они считают? Они считают по прожиточному минимуму. Там совсем другой минимум. Не говоря о том, что эти же бедные имеют совсем другой доступ ко всяким социальным благам и т.д.

Структурный анализ неравенства показывает, что у нас неравенство в основном за счет бедности – почти половина населения живет за пределами прожиточного минимума. Это так называемое избыточное неравенство. Если мы его исключаем, то оно приобретает какие-то более-менее нормальные формы. Уже нет таких перекосов. В некоторых регионах вообще 2-3. Особенно в бедных регионах почти уравниловка.

Реплика. В каких регионах уравниловка?

Шевяков А.Ю. Например, Тува.

Структурный анализ неравенства очень важен и для понимания – а что же такое социальная справедливость? Так вот, нормальное неравенство в нашем понимании социально справедливо, а избыточное, которое обусловлено бедностью, – нет.

Реплика. А недостаточное?

Шевяков А.Ю. Мы такое не определяли. Что значит – недостаточное?

Реплика. Если есть нормальное и избыточное, может быть и недостаточное.

Шевяков А.Ю. Нет. Общее неравенство раскладывается на две компоненты – нормальную компоненту и избыточную.

Реплика. А уравниловку нельзя считать недостаточным неравенством? Может быть, нормальное - один к пяти, а свыше – это избыточное?

Шевяков А.Ю. Неправильно. Может быть два случая. Неравенство (условно) – десять. Для одной страны десять на 90 процентов определяются бедностью, а для другой страны, наоборот, на 90 процентов определяются богатством – вот и всё. А цифра одна. Для второго случая, где оно на 90 процентов определяется

богатством, оно более справедливое. А в первом случае оно несправедливо. Эта грубая схема.

Наконец, последнее - как социальные факторы связаны с экономикой. А связаны они очень интересно. Саймон Кузнец в свое время высказал такую гипотезу: неравенство должно расти по мере экономического роста, а потом – насыщение и спад. Многие исследователи пытались все это подтвердить – где-то получается, где-то нет.

Когда мы рассмотрели, а как ведет себя неравенство – коррелирует или нет с экономическим ростом в регионах, получилась поразительная картина: берем общее неравенство – нет устойчивых статистических связей. Но как только мы переходим в разрез анализа этих зависимостей от структурных компонент неравенства, о которых я говорил, статистические связи абсолютно устойчивы. И по нашим регионам получается так: нормальное неравенство стимулирует и положительно коррелирует с экономическим ростом, а избыточная компонента - отрицательно.

Реплика. При любой структуре неравенства?

Шевяков А.Ю. По компонентам. Я не говорю о самом общем неравенстве. Общее неравенство никакой статистической связи не дает. А его компоненты показывают. Что происходит сейчас по мере продвижения наших реформ? Получается так, что, в общем, выполняется закон, который мы сформулировали - по мере экономического роста избыточное неравенство замещается нормальным, то есть происходит замещение. Общее неравенство остается на одном и том же уровне, а внутри происходят такие структурные сдвиги. И в регионах мы это наблюдаем - если взять все регионы с определенными отклонениями закономерность такого замещения просматривается.

Сейчас мы разрабатываем модель, которая в каком-то смысле может подсказать, а какое же должно быть нормальное неравенство (я повторяю – нормальное, не общее) для того, чтобы максимально содействовать экономическому росту. Пока мы это делаем на методологическом уровне. Такой оптимум вроде бы можно уже нащупать на модельном уровне. И уже понятно, что, например, 40 – это много. Даже если оно хорошее, нормальное – это много. Потому что там начинаются всякие эффекты паразитирования и т.д. Меньше пяти – тоже не очень хорошо. По моим ощущениям, оптимум лежит где-то в районе 10-14. При условии, что нет бедных.

А борьба с бедностью - эта борьба с инфляцией или борьба за удвоение ВВП? А может быть, дело не только и не столько в удвоении ВВП. Наши прикидки показывают, что мы можем устранить бедность, не удваивая ВВП за два года. Надо только реформировать распределительные отношения – и всё.

Реплика. Изменить распределение - отнять и поделить.

Шевяков А.Ю. Распределительные отношения – это не отнять и поделить, а распределение финансовой нагрузки для обеспечения общегосударственных функций (оборона, образование, здравоохранение и т.п.) на различные сферы деятельности, сектора экономики, группы населения и т.д. Налоги - важнейшая составляющая это системы.

Реплика. Значит, отнять.

Шевяков А.Ю. Во-первых, государство так или иначе собирает свою дань и речь идет о пересмотре ставок. А что касается собственности, то владей. Но хочешь ездить на Бентли – плати побольше налог за предмет роскоши. Это общепринятая проверенная временем практика развитых стран.

Медведев В.А. Благодарю Вас, Алексей Юрьевич. Я бы хотел обратить внимание на два вопроса, которые были Вами затронуты. Мне кажется, что они представляют большой интерес с социально-политической точки зрения. Это, конечно, территориальные аспекты неравенства. По сути дела, они затрагивают такую кардинальную политическую проблему, как сохранение целостности России.

И второе – важность структурного анализа неравенства. По-моему, это проблема, которая требует особого внимания. И, может быть, попытаться от методологических исследований перекинуть мостик к решению конкретных проблем на уровне социальной политики.

Далее выступает Руслан Семенович Гринберг.

Гринберг Р.С.

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить Вадима Андреевича за присланный доклад, положения которого не вызывают возражений, кроме, может быть, вопроса «о корпоративной социальной ответственности». Мне всегда приходится спорить по данной теме, даже когда-то с Милтоном Фридманом. Но в данном случае не могу не согласиться с ним в том, что социальная корпоративная ответственность – не что иное, как ограбление акционеров.

Далее позвольте остановиться на ряде вопросов. Мне представляется спорным название доклада «Проблема социального неравенства в современных трансформационных процессах»; это может вызвать разночтение, особенно если говорить о понятии «современные трансформационные процессы».

Насколько я знаю тексты Вадима Андреевича, он – один из немногих, кто говорит о трансформационных процессах в широком смысле слова. Сторонник концепции постиндустриального общества, Вадим Андреевич, как я его понимаю, говорит о том, что весь мир находится в процессе трансформации. И проблема неравенства возникает в связи с этим переходом. Я хочу сказать, что здесь в принципе возникает новая специфика, и соответственно новая специфика неравенства в связи с трансформационными процессами.

Можно понять это так, будто речь идет о трансформационных процессах в странах, которые раньше строили социализм, а сейчас делают нечто совсем другое. Здесь, как мне кажется, нужно больше четкости в идентификации процессов. Это касается и самого проекта. Я согласен, наверное, есть своя специфика в трансформационных процессах в широком смысле слова, о которых

говорится в докладе. Но следует выделять и трансформационные процессы, скажем так, в узком смысле слова.

Медведев В.А. Я пытаюсь рассмотреть проблемы «равенства-неравенства» прежде всего под углом общих мировых трансформационных процессов и, конечно же, их проявления в специфических условиях России.

Гринберг Р.С. Мне кажется, из текста это не вытекает. То есть я имею в виду, что в тексте это так ясно не сказано. Для меня, может быть. Другим это не бросается в глаза. Все-таки я занимаюсь пятнадцать лет проблемой трансформационных процессов. Это первое.

Второе. Мне очень понравилась идея Вадима Андреевича о том, что в ходе исследования надо идти от реального анализа. По-моему, это очень правильное замечание. Обычно мы априори знаем, что, собственно говоря, нам надо написать. Ответ известен. Собственно, нам надо обосновать то, что мы заведомо знаем. Так поступает, по-моему, большинство ученых гуманитарного направления.

Что я хочу сказать в этой связи? По-моему, это очень важно. Отсюда мы выходим на то, о чем говорил Алексей Юрьевич: какое неравенство плохое, а какое хорошее. Это самый главный вопрос современности.

Отвлекусь, собственно, от доклада, но это близко теме нашей дискуссии. Сегодня утром я выступал перед немецкой общественностью здесь, в Москве. Меня спросили: как я отношусь к результатам последних выборов в Германии? Как они повлияют на наши отношения с Россией? Является ли это каким-то примером для России или, наоборот, речь идет об очень трудных проблемах и лучше пока не надо этим заниматься? У нас была интересная

полемика. Одна наша дама-социолог говорила, что эти выборы вызвали ужасное чувство, потому что это говорит о том, что народ не верит политикам. Да, это плохо, когда народ не верит политикам. А плохо потому, что люди – по-прежнему не граждане даже в таких государствах, где уже 50 лет демократии, что у них нет понимания гражданского долга.

Мне, наоборот, кажется, что когда идет такая отчаянная борьба, все не так плохо. Я настаивал на этой точке зрения. Я утверждал, что Германия показала, что в стране есть политическая состязательность. Ее, кстати, нигде нет на постсоветском пространстве, кроме Украины. При всем при том, что мы их критикуем, но это ведь факт, что речь идет о нормальной состязательности. Здесь уместно напомнить: чем отличается наша демократия от более-менее классической демократии западного типа – у нас правила игры не очень ясны, но победитель ясен.

Реплика. Вы говорите: на всем постсоветском пространстве.

Гринберг Р.С. Да, минус Прибалтика. Прибалтика уже находится в Европейском Союзе.

Я хочу сказать, что это имеет отношение и к нам. Моя точка зрения заключается в том, что там общество абсолютно расколото, и народ расколот. С одной стороны, люди понимают, что нужны социальные реформы, то есть фактически антисоциальные реформы. Я хочу это специально подчеркнуть: общество понимает, что нужны антисоциальные реформы, если все называть своими именами. С другой стороны, никто не хочет лишаться тех льгот, которые он получал за последние 50 лет.

Это действительно тяжелая ситуация. Потому что легко сказать, что люди живут в пересоциализированной стране, как говорят многие немцы, особенно удачливые. И при этом среди тех

же немцев не хотят платить налоги – 42 процента, а так же хотят иметь плоскую шкалу налогообложения.

Мне кажется, что в нашем проекте мы должны этот момент тоже как-то подчеркнуть. Речь идет о вечном споре - каким же образом растет общий пирог, который мы еще не ели? Является ли мотором для этого роста инвестиционный климат? А это значит, постоянные поправки богатым в надежде на то, что они будут инвестировать. Надо снизить налоги, все им дать. Они создадут рабочие места, и менее удачливые ребята, работополучатели, будут жить тоже хорошо. То есть будет то неравенство, о котором говорится, что оно хорошее.

Шевяков А.Ю. Поправки богатым, но именно с точки зрения инвестиций, а не поправки богатому, чтобы он ехал на свой остров и тратил 100 млн. на празднование дня рождения.

Гринберг Р.С. Практически в мире нет ни одной страны, где не было бы инвестиционных льгот, если вы собираетесь развивать производство. Это очень важный пункт, потому что именно в России российские руководители больше всего любят говорить о слабости и коррумпированности собственного государства. Это меня всегда поражает, потому никто и нигде – ни в Нигерии, ни в Замбии – никогда не говорят о своем государстве как о слабом государстве.

Инвестиционные льготы представлять надо. Но как это бывает: мы в понедельник дали эту льготу, а во вторник вся страна под этим предлогом просто не платит налоги на прибыль. Какой выход из такой ситуации? Должностное ответственное лицо обязано написать заявление об отставке. Потому что если руководитель не может отличить, куда идут средства - на личное потребление или в производственные инвестиции, - то, собственно говоря, возникает вопрос, а что там делает этот человек? Ведь он туда поставлен как

раз для того, чтобы отличать нужные льготы от вульгарного жульничества.

Есть такая позиция: чтобы развивать экономику предложения, надо сокращать налоговое бремя для богатых. В Германии свободные демократы получили в два раза больше голосов, чем они получают – почти двузначное число, 10 процентов, благодаря тому, что они убедили многих в том, что в немецком обществе сейчас у богатых нет стимулов для инвестирования. Если у них спросить: почему Европа находится в состоянии стагнации, ответ будет очень простой: потому что люди не хотят инвестировать из-за высоких налогов.

Я считаю, что это неверно. Но надо сказать, что эта школа самая влиятельная – у нее есть пресса, журналы, ученые, причем в государственном секторе. Это люди, которые ни секунды не работали в рыночной экономике всю свою жизнь, хотя им уже за 70 лет. Они очень любят говорить о паразитизме населения. Среди них есть мои немецкие друзья-профессора. Как правило, все они придерживаются очень правых убеждений. Но это к слову.

Другая точка зрения – наша, социал-демократическая. Она же и профсоюзная. Мы исходим из того, что на самом деле пирог растет только потому, что все большее число людей ходят в магазины и покупают все более дорогие вещи. Поэтому надо увеличивать спрос, повышать доходы населения. Условно говоря, это кейнсианская доктрина. Надо сказать, что этому спору нет конца. Но сейчас в Германии столкнулись эти два лагеря. И действительно страна расколота ровно на две части.

Потому, когда мы будем говорить о специфике неравенства в трансформационных процессах, этот момент следовало бы отметить. Но я пока не говорю о наших переходных экономиках, а о

трансформационных процессах в широком смысле, о чем говорил Вадим Андреевич.

Хочу отметить, что до конца эту тему я не изучал. У меня возникает такой вопрос: не сталкиваемся ли мы в данном случае с таким явлением, как бумеранг глобализации? Что я имею в виду? Глобализация, собственно говоря, означает полное открытие всех рынков для всех факторов производства. И в перспективе вроде бы к этому идет дело. Но что получается в результате таких процессов? Есть много данных, говорящих о том, что глобализация сокращает неравенство между нациями. Но есть и другие, противоположные данные, причем арифметически они почти одинаковы. Так вот по этим данным получается, что неравенство углубляется.

Скажу честно, у меня нет какой-то определенной позиции по этому поводу, но знаю, что есть очень убедительные исследования, которые говорят о том, что разрыв сокращается.

Мы как-то все не заметили, что в дискуссиях в мире исчезла проблема о качестве продукции, конкурентоспособности. В глобальном плане этот вопрос тоже ставят. Что же происходит на самом деле? Мне кажется, что в бедных странах в период глобализации в результате диффузии производителей, технологий, научных знаний возникла ситуация, когда многие страны делают такие же качественные товары, как в развитых странах, только в 30 раз дешевле. И западный мир, по-моему, стоит перед дилеммой: либо он должен принимать какие-то протекционистские меры – это было бы совсем дико, либо резко понижать свои социальные стандарты для того, чтобы конкурировать с остальным миром. Тогда возникает вопрос: должна быть экономика для человека или человек для экономики? Отсюда и проблемы текущей политики.

Мне кажется, что это очень важная проблема, на фоне которой мы должны исследовать тему неравенства в ее взаимодействии с бумерангом глобализации. Я думаю, здесь важно понять: действительно ли это имеет место как начало какой-то тенденции, либо это просто отклонение от прежней; может быть, речь идет о каком-то временном явлении. Любопытно, что многие люди на Западе говорят, что эта проблема малосущественна. На Западе не сомневаются в своем приоритете в высоких технологиях, нет сомнений и в поисках новых технологических ниш в перспективе. В целом с проведением антисоциальных реформ, о которых говорилось выше, дальнейшее освоение высоких технологий на Западе, думается, пройдет вполне успешно, а развивающийся мир по-прежнему останется в роли продавца топлива и сырья.

Еще два момента. Когда мы говорим о неравенстве, как мне кажется, здесь очень важен, еще один вопрос. Меня поразило одно исследование, в ходе которого 50 процентов населения сказали, что они принадлежат к среднему классу. Я думаю: а чего тогда стоят все эти наши разговоры?! Можно что угодно говорить об избыточном неравенстве, но ведь люди-то довольны. Если 50 процентов причисляют себя к среднему классу, это значит, что в результате четырехлетнего экономического бума как бы не распределялись доходы, все равно у всех, наверное, что-то улучшилось.

В таком случае правительство действительно может позволять себе всякие антисоциальные реформы. Поэтому надо понять, что это такое, с чем мы имеем дело? Может быть, это феномен самовосприятия? Многие говорят, что у нас просто такой народ, он довольствуется малым, лишь бы не было войны. Я думаю, может быть, это и не так.

В связи с этим уместно вспомнить знаменитый закон Токвиля. Он понадобится, когда мы будем говорить уже не о диагнозе, а о том, что делать. Известно, этот закон гласит, что революция не тогда совершается, когда дело совсем плохо; когда люди заняты выживанием, им не до революции. А вот когда все налаживается, улучшается, люди смотрят: вот этот на «Бентли» едет, а у меня только велосипед.

Мне кажется, что для теперешней России это очень серьезная проблема. Потому что как раз мы имеем эту фазу улучшения ситуации.

Шевяков А.Ю. Я могу сказать интересную вещь. Мы делали исследование по стачкам в середине 90-х годов. Они возникали как раз не в самых бедных регионах. Ты правильно сказал: начинают жить хорошо, а если при этом идет чуть-чуть снижение, как было у шахтеров или в Нижнем Новгороде, то сразу же начинаются протестные выступления.

Медведев В.А. Общественное мнение реагирует больше не на уровень, а на динамику, на различия.

Шевяков А.Ю. Я люблю один анекдот: лежит негр на пляже, рядом идет миллионер. «Что ты делаешь?». – «Я курю». – «Но пошел бы рыбу половил». – «А зачем?» - «Купил бы лодку, был бы богатый». – «И что?» - «Лежал бы и поплевывал». – «А я что делаю?»

Реплика. А вариант 17-го года согласуется с идеей, что революции возникают на почве трудностей в положительной динамике?

Гринберг Р.С. Тогда шла война. Если бы не было войны, то еще можно было как-то сравнивать.

Нам нужно думать, о том, чтобы социальные расходы шли параллельно с ростом экономики. Это очень важный вопрос. Сколько я себя помню, еще в советское время, многие члены политбюро говорили (меня всегда это поражало): надо накормить народ, а потом построить театры, университеты. Оттуда возник остаточный принцип затрат на социальные цели. Мне кажется, что теперешние «ребята» (вроде они либералы) думают абсолютно точно так же.

То есть получается так, что сами по себе вложения в социальную сферу как будто не влияют на экономический рост, как будто бы он независим от них. Мне кажется, на это надо обратить внимание и попробовать эмпирически показать, что это не так.

Я вам честно признаюсь, есть одна вещь: больше всего я переживаю по поводу самого себя. Когда я был молодым исследователем, мы еще только переходили к рынку, я был рыночник, и меня всегда поражало словосочетание – плановая убыточность. Это считалось дикостью. Вроде - ледяной кипятком или еще что-нибудь. Теперь мне очень стыдно за это. Потому что болезнь Баумоля – это и есть плановая убыточность: в социальной сфере издержки растут быстрее, чем конечные цены. И никуда от этого факта не уйдешь. И эти провалы заполняет государство.

Медведев В.А. Общество, в конечном счете, не проигрывает, а, наоборот, выигрывает. Вложения в человека наиболее эффективны и в экономическом смысле.

Гринберг Р.С. И пирог растет, конечно.

Я люблю приводить один пример – это стиральная машина - лучшее изобретение XX века для быта. А как получилось? Говорят, что в основе была какая-то оригинальная научная разработка, в результате которой и возникла стиральная машина. Это так и не так.

Ситуация такая: я, например, рабочий и мой сын – рабочий. Мне «до фонаря» ваши всякие образования. А вы с меня налоги берете на образование и науку. А у Сорокина дети пошли в науку, получили высшее образование.

Ответ простой: необразованные не понимают выгод всеобщего образования. Надо доказать, почему рабочий должен платить налоги на науку. Ведь нужно, чтобы было 500 этих Сорокиных, чтобы из них со временем появилось десять, которые бы придумали стиральную машину. Благодаря этому я, рабочий, прихожу в магазин и покупаю стиральную машину.

Не могу вновь не вернуться в текущую политику. Вот сейчас Каспаров – ультралиберал: его идеи - все бросить в рынок, меньше государства и т.п. На самом деле, он сам возник как результат ответственного государственного вмешательства в шахматы. Неизвестно почему, но государство решило, что у него все должны играть в шахматы. Вспомните, в любой деревне были шахматные клубы. И что это принесло? Это принесло такой успех, что и сейчас, после пятнадцати лет безобразий, русские шахматисты в любой страны – самые лучшие...

Медведев В.А. Спасибо, Руслан Семенович. Я хотел бы еще раз вернуться к трактовке современных трансформационных процессов. Что под ними понимать – общемировые процессы, связанные с постиндустриализмом, или процессы в нашей стране? Альтернативы здесь нет. Это разные, но взаимосвязанные процессы. В мире, во всяком случае в развитых странах, они протекают, если можно так сказать, естественным путем: противоречиво, но без социальных и политических катастроф. В нашей же стране неизбежный переход к постиндустриальному обществу приобрел в 90-е годы крайне болезненный характер, начался с разрушения

советского социализма, развала Советского Союза и насаждения уже устаревшей радикал-либеральной модели общества.

Гринберг Р.С. А Вы не думаете, что нам нужно дать первую главу, скорее, в общем плане. То есть сначала не говорить про Россию, а вообще о том, что происходит в мире. Чтобы была какая-то общая картина. Как бы мировой тренд.

Медведев В.А. Может быть, но не уходя далеко от главной темы – социального неравенства.

Второе мое соображение, связанное с выступлением Руслана Семеновича, сводится к тому, что в ходе опросов самоидентификация людей со средним классом имеет очень-очень относительное значение.

Поезжайте в провинцию или куда-то за пределы Московской области, и вы увидите, что это за средний класс. Мне кажется, следовало бы осторожнее оперировать данными о том, что 50 процентов относят себя к среднему классу. Это, конечно, факт самосознания, к тому же ложного. А может быть, самоутверждения: люди хотят сказать о себе лучше, чем они на самом деле.

Реплика. Особенно те, которые принадлежат к интеллигенции.

Медведев В.А. Наверное, об этом сейчас будет говорить Михаил Константинович Горшков.

Горшков М.К.

Мне очень импонирует то, что проект, предложенный Вадимом Андреевичем Медведевым и коллегами из Горбачев-Фонда, носит междисциплинарный характер. И, учитывая, что коллеги-экономисты уже высказались, я не буду втягиваться в экономический аспект дискуссии, а постараюсь операционализировать социологические подходы к анализу поставленной проблемы, прежде всего, понятийные. Потому, что верно в проекте указывается: в каких-то вещах нам нужно самим разобраться, исходить из более или менее единого подхода в трактовке базовых терминов.

Исследования нашего Института последнего десятилетия, в том числе опрос, на который ссылался Руслан Семенович Гринберг по среднему классу, приводят нас к очень важному выводу. В России за годы реформ сложилась новая социальная реальность. Далеко не все из аналитиков, экспертов, работников СМИ эту реальность рационально осознают и эмоционально-чувственно представляют на публичном уровне. Именно отсюда феномен раздвоения образа пореформенной России: на Россию реальную и Россию виртуальную.

Учитывая это, наша сверхзадача – понять, какова должна быть социальная модель новой России, в которой сложились новые экономические, политические, идеологические, межконфессиональные и другие отношения, и насколько эта модель должна быть адекватна ментальности народа, от которой, конечно же, уходить мы не можем. Как кажется, многие вещи мы еще не понимаем только потому, что недооцениваем значимости своеобразия существующих архетипов в национальной психологии россиян. Отрадно, что это уже признают экономисты.

С чем мы должны соотносить степень адекватности социальной модели современной России? На мой взгляд, это вопрос и нашего проекта. Конечно, мы не замахиваемся на всю палитру проблематики, а выделяем как стержень проблему социального неравенства, но тем не менее. Если термин «социальный» трактовать не только в узком смысле слова (тут тоже очень важно договориться), а в более широком контексте – как некий синоним понятия «общественный», тогда возникают различные плоскости предметного пересечения. Например, социальное неравенство и роль политических институтов в этом явлении; социальное неравенство и роль государства в его преодолении; или социальное неравенство и динамика трансформационных процессов. Ведь, что интересно: одни специалисты убеждают нас в том, что мы уже почти приближаемся к конечной остановке транзита, а другие считают, что мы еще не отошли от первой. Третьи пытаются найти «золотую» середину в российском транзитном процессе.

В этом смысле соотношение ситуативного и динамического подходов в нашем анализе, на мой взгляд, будет иметь исключительно важное значение. Тогда мы к данным по среднему классу будем относиться иначе. С чего мы начинали и к чему пришли? Если посмотреть на данные опросов начала 90-х годов, можно же за голову схватиться! До 80 процентов населения считали, что живут на уровне ниже прожиточного минимума. Ныне самооценки населения своего положения в обществе резко изменились. Да, от 30 до 50 % россиян по разным регионам относят себя к среднему классу.

Что же получается? Народ в силу, может быть, ложного сознания, может быть, необоснованной оценки действительности через свое социальное самоощущение захотел почувствовать себя в

середине социальной лестницы, а мы тут же начинаем возмущаться, обвинять людей в ограниченности. Насколько же в нас еще живут тяга и желание с чего-то хорошего сбить спесь. Я понимаю – с плохого. А, может быть, лучше предложить людям рациональную структуру потребления, пересмотреть адресные социальные трансферты, чтобы укрепить тот срединный слой общества, который психологически почувствовал, что может жить и наращивать свои возможности в новой экономической среде.

Согласен с тем, что точнее говорить не о среднем классе, а о средних слоях российского общества. По нашим данным, их где-то набирается 4-5, причем каждый имеет свои интересы, отличается различной формой продвинутой. При этом наблюдается (и в этом я согласен с Алексеем Юрьевичем Шевяковым) огромная дифференциация по регионам. Уходить от нее в нашем проекте нельзя. Это должно касаться и таких результатов, которые связаны с самоидентификацией, и тех, что вытекают из данных объективной статистики.

Должен признать, что мне импонируют теоретические и методологические подходы в докладе Вадима Андреевича Медведева. В нем выражена попытка междисциплинарного синтеза. К тому же это очень уравновешенный подход. Вместе с тем, некоторые выводы (насколько я знаю, многие труды Вадима Андреевича по политической экономии) где-то сродни революционному прорыву в сознании автора.

С одной стороны, меня удивило, а с другой – порадовало признание нашего докладчика в том, что распределение по труду и вообще те экономические стимулы, которые в советском обществе применялись, по существу потерпели поражение – как историческое, так и практическое. Из этого вытекает необходимость разобраться в

очень важном вопросе – а что действительно должно двигать принципами распределения, на чем сегодня сам механизм трудовой стимуляции должен основываться.

Социологи готовы дать свое операциональное восприятие и понимание данной проблемы.

О структурном анализе понятия социального неравенства, о чем говорилось выше. Полностью поддерживаю постановку вопроса, что опять-таки надо различать социальное неравенство в узком смысле и социальное неравенство в широком смысле. Если мы только сводим это явление к экономическим составляющим – здесь одна ситуация. А если же мы на социальное неравенство смотрим в широком общественном, комплексном контексте, то здесь и объем проблем совсем другой.

Например, социальное неравенство, связанное с явно меньшими возможностями женщины реализовать себя на рынке труда и трудоустроиться в соответствии со своими интересами. Для женщин после сорока лет – это исключительно сложно.

Или возьмем одно из наших последних исследований «Мегаполисы и провинции в современной России». Как оно показало, очень многие проблемы остаются в сфере психологической напряженности в отношениях жителей двух столиц и провинций. В последних - больше переживаний, раздражения, зависти к москвичам, питерцам, зачастую рациональными факторами объяснить трудно. Правда, постепенно этот негативный запал угасает.

Однако самая большая разница, самый явный разрыв в восприятии неравенства жизненных шансов касается такой категории населения, как молодежь до 30 лет. В этой группе разрыв в уровне душевого дохода 10% самых обеспеченных и 10% самых

необеспеченных превышает 30-50 раз по разным регионам. Подобное положение является одним из сильнейших толчков оттока молодежи с периферии в столицы. И на наш безобидный вопрос: «А, собственно, зачем вы приехали, чего вы хотите добиться?» нам напрямую отвечают свыше 70% приезжей молодежи: Москва и Санкт-Петербург для нас, прежде всего, города шансов, а свой жизненный шанс мы не хотим упустить.

Согласитесь, это серьезный вопрос для социальной политики государства: в чем должна состоять наша ответная реакция? Каким образом государство может выравнивать условия для обеспечения хотя бы относительно равных шансов молодежи в центре и на периферии?

Медведев В.А. Сегодня престижно уехать не в Москву и Питер, а дальше - на Запад.

Горшков М.К. Желających это сделать не более 9%. У большинства молодежи миграционная мотивация более ограниченная. Уровень патриотичности современной российской молодежи остается довольно высоким. Все-таки решать основные жизненные задачи большинство молодежи (отвечаю ответственно) стремится на территории Российской Федерации, своей большой и малой Родины.

Теперь об исследовательской части проекта. Согласно подготовленным предложениям, Институту социологии РАН поручается проведение социологического исследования по проблематике социального неравенства. Мы готовы, тем более что есть определенные заделы. Прежде всего, многолетний проект, который велся в Институте под руководством Полины Михайловны Козыревой. Это десятилетние мониторинговые замеры состояния экономического положения, здоровья населения России, которые

требуют своего глубокого аналитического обобщения. К этому следует добавить многие исследования ИКСИ РАН, выполненные за последние три года: «Богатые и бедные в современной России», «Динамика российского среднего класса», «Социальная ответственность крупного российского бизнеса». Все эти исследования дали очень важные результаты и могут активно использоваться как в методическом, так и в аналитическом отношениях.

Да, забыл упомянуть еще одно исследование. Нынешней весной мы провели общероссийское исследование и подготовили аналитический доклад «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность». Конечно, не все аспекты были изучены, но это был первый социологический опыт анализа столь сложной проблемы.

Реплика. Это прекрасный доклад.

Горшков М.К. Что-то можно, наверное, из этого доклада использовать для нашего проекта по собственности, думается. Специалисты нам подскажут.

И последнее. Надо, наверное, подумать о повышении степени реалистичности нашего проекта. Ведь сегодня очень много интересного происходит в стране, в том числе в социальной сфере. Рождается ряд интересных инициатив. Нас это будет интересовать или нет? Например, в Пензенской области очень эффективно работает программа «Жилье для молодых». Размер оплачиваемого кредита на жилье (отдельный коттедж) ставится в зависимость от количества рожденных детей. Рождается третий ребенок в семье – гасится 100% суммы кредита, т.е. полная стоимость жилья.

Или другая сторона реальности – широкий зарубежный опыт. Руслан Семенович Гринберг представляет то крыло нового Института экономики, сотрудники которого активно изучали

международный опыт социальной политики. В конце октября с.г. по нашей инициативе в Совете Федерации будет проходить Круглый стол с участием европейских экспертов. Тема дискуссии – «Европейские социальные модели: что из них может быть использовано в современном опыте России». Думаю, что учет результатов подобной дискуссии может усилить ряд положений и выводов нашего проекта.

Медведев В.А. Благодарю Вас, Михаил Константинович. Согласен с Вами в отношении структурированного подхода к проблемам социального неравенства. Собственно, эта мысль уже звучала, но важно добавление гендерного аспекта. Нельзя забывать и об аспекте возрастных групп: молодежь, пенсионеры, дети. Это тоже вопросы крайне острые и важные в анализе социального неравенства.

Добросовестное исследование социального неравенства без учета этих аспектов просто немыслимо. И этноконфессиональный аспект должен присутствовать. Он связан с территориальным, хотя и имеет самостоятельное значение.

Гринберг Р.С. Я хотел уточнить один вопрос. Действительно ли шесть детей из десяти рождаются в России в очень бедных семьях? Это же ужасно.

Козырева П.М. По нашим данным, уровень детской бедности сейчас снижается, причем быстрее, чем уровень общей бедности.

Медведев В.А. Предоставляя слово Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, хотел бы подчеркнуть, что проблема собственности, которой ему предстоит заняться в рамках нашего проекта, очень важна для исследования социального неравенства. Насколько мне известно, она в этом аспекте пока серьезному исследованию не подвергалась. Так что эта работа будет носить пионерный характер.

Сорокин Д.Е.

Считаю, что если мы хотим сделать цельную работу, то должны договориться о неких общих принципах подхода к поднимаемым проблемам. В этой связи я полностью поддерживаю направленность доклада В.А.Медведева, который задает эти принципы. В их развитие хочу озвучить ряд постановок, о которых надо договориться.

Первое - это определить, для кого мы делаем эту работу, кто ее потребитель. Мы хотим монографию написать, доклад, инициативную записку? Для кого? Соответственно каждый из нас будет выдерживать стиль своего раздела.

Медведев В.А. Вчера мы обсуждали эту проблему с Горбачевым. Я ему сказал, что результатом проекта будут развернутый доклад и сжатая записка для представления в компетентные инстанции. Плюс к этому материалы нашего семинара тоже будут оформляться и издаваться.

М.С.Горбачев сказал о своей заинтересованности в результатах нашего исследования и уверенности в том, что ни будут доведены до самых высоких инстанций, вплоть до Президента.

Считаю также, что на основе этого материала мы сможем создать хорошую книгу. То есть три «продукта»: краткая Записка на самый высокий уровень; доклад, который будет презентован для широкой общественности, и книга.

Сорокин Д.Е. Значит, я понял: мы договариваемся, что мы пишем Записку на самый высокий уровень с конкретными предложениями – конечный результат. К ней прикладывается пояснительный материал в виде доклада. А потом на базе этих двух вещей - потому что наработки-то будут еще больше, - мы делаем монографию. Вот в соответствии с этим мы все и пишем.

Второй вопрос. Абсолютно правильно Вадим Андреевич сказал, и я поддерживаю его: должно быть методологическое единство, которое начинается с единства понятий, т.е. тезаурус (набор понятий) должен быть единый. Категорию «собственность» мы должны понимать одинаково. То же по категории «неравенство»... Мне очень нравится подход Алексея Юрьевича к этой категории. Мы должны «неравенство» понимать одинаково, иначе мы будем писать о разном. И другие категории должны понимать одинаково. Такой тезаурус у нас должен быть.

Третья позиция. Мне кажется, мы должны в нашей Записке все-таки при всех общечеловеческих тенденциях опираться на специфику России. Ведь, например, можно назвать страны, где коэффициент фондов гораздо выше, чем у нас и при этом они демонстрируют высочайшие темпы экономического роста. Конкретно – Китай. Между прочим, треть человечества.

Правильно Вадим Андреевич сейчас говорил о многоконфессиональности. Да, в 35-й суре Корана говорится: «и взвешивайте верною мерой». Так объясните это на Ленинградском рынке, который рядом, торгующим азербайджанцам. Они вам ответят, что это отношение к мусульманам. А ты, - говорят, - не мусульманин и взвешивать будем по-другому.

Я Якутию знаю не проездом. Там проблема бедности совсем по-другому воспринимается людьми. Совершенно по-другому. И колхоз «Арктика» (колхоз – подчеркиваю, я не оговорился, он официально - колхоз) для них – богатый. Но с нашей точки зрения, это трудно назвать богатством. Таким образом, и бедность и неравенство воспринимаются по-разному и соответственно по-разному влияют на социальную активность и т.д. В этом наша российская специфика и ее надо учитывать. Учитывать фактор

национальной культуры. Через всю нашу работу должен проходить фактор культуры. Для России неравенство совсем по-другому воспринимается, чем другой фактор, - этот национально-культурный фактор.

Четвертое. Я считаю абсолютно правильной постановку в докладе, что в основе проблемы неравенства лежат отношения собственности. Причем преодоление неравенства в отношениях к собственности – это не проблема, чтобы всем поровну дать. Эта проблема сейчас гораздо более сложная. Социализация отношений собственности – это не равенство отношений собственности. Это отдельная проблема. Мне кажется, она должна быть действительно исходной.

И последнее. Мы должны рассматривать проблему неравенства не с точки зрения морали, а с точки зрения сохранения исторических перспектив для страны. Фактор преодоления плохого, негативного неравенства – это фактор сохранения и укрепления будущего страны, в которой будет жить мой сын, который пошел в первый класс. Мы должны с этим связать ее, прежде всего. Спасибо.

Медведев В.А. Перегудов Сергей Петрович. Если можно, немного сэкономьте время.

Перегудов С.П.

Что касается доклада, то мне тоже он показался отвечающим своему назначению, это хорошая площадка, от которой можно идти дальше в обозначенных в программе направлениях. Здесь есть исторический подход и, что очень важно, есть и подход «пространственный», позволяющий сравнивать ситуацию в различных странах и регионах. Я не совсем согласен, что Запад или отдельные зарубежные страны должны присутствовать скорее для примера, для иллюстрации. Или я неправильно Вас понял, Дмитрий Евгеньевич?

Реплика Сорокина Д.Е. Для меня Германия – не есть иллюстрация, потому что мы – не Германия. Я прошу прощения, просто приведу один пример. Я десять лет хожу по якутской тайге. Я первый раз в этом году за десять лет встретил зимовье, у которого рядом построен отдельный туалет. Вы знаете, кто в этом зимовье на сезоне живет? Да, Руслан Семенович, двое молодых парней, у которых немецкого ничего не осталось, они кроме «хенде хох» по-немецки не знают, поскольку русские книжки Гайдара читали. Я имею в виду дедушку Гайдара. Но они – дети бабушек и дедушек, которых в 1942 году из-под Питера бросили. Это единственное на всю якутскую тайгу зимовье.

Перегудов С.П. Я думаю, что должно быть какое-то сопоставление и более широкого плана. Поэтому я скажу об одном конкретном примере, который, с моей точки зрения, интересен для нашего проекта. Мы говорим, что на Западе вроде бы все хорошо, социальное неравенство там работает и т.д. Но на самом деле, мне кажется, это не совсем так, и в докладе присутствует известный глянец по поводу ситуации на Западе. Там тоже масса проблем. И, в частности, проблема, которую, на мой взгляд, очень емко

сформулировал Энтони Гидденс – известный социолог, советник Блэра. Он назвал эту проблему проблемой социальной исключенности. То есть это не просто неравенство, это – социальная изоляция, т.е. ситуация, когда у современного человека нет Интернета, нет, допустим, современного телевизора, нет чего-то другого – того, что уже стало нормой жизни. В результате он чувствует себя социально исключенным.

Козырева П.М. Потому что понимает, что он этого лишен.

Перегудов С.П. Мне кажется, что это серьезная проблема и для России. Когда мы говорим о неравенстве, дело не только в чисто материальных вещах, а и в том, что люди чувствуют себя вне общества. Они как бы парии и лишены возможности жить нормальной жизнью. И мне кажется – Вы, Дмитрий Евгеньевич, как раз очень хорошо сказали насчет культурного аспекта неравенства. Но это не просто культурный, это и социально-психологический аспект. Мне кажется, он обязательно должен присутствовать, потому что это очень и очень важно. Когда говорят о том, что революции часто происходят не в период упадка, а в период начала подъема, - это тоже имеет прямое отношение к социальной психологии. И в нашем проекте это должно найти отражение.

Теперь, что касается аспекта исторического. Здесь у меня небольшое замечание к докладу. Я не знаю, может быть, не все с этим согласятся, но мне кажется, что Вадим Андреевич реформу 87-го года подал в своем докладе слишком однозначно. Она по существу разрушила советскую номенклатурную модель, причем подрубила ее, что называется, под корень. В основе лежала идея самоуправления, директоров стала избирать, система власти в экономике оказалась в подвешенном состоянии.

То есть, когда мы касаемся истории, здесь надо стремиться к возможно более взвешенным оценкам и суждениям. Я понимаю, что это не всегда просто.

Медведев В.А. Выборность – это была общая идея. Она была встречена тогда «на ура». 90 процентов поддержали ее. Теперь же вообще не найдешь, кто признался бы, что тогда поддержал эти идеи.

Перегудов С.П. Это так, но идея эта сработала, по-моему, не совсем так, как этого хотели инициаторы реформы. Как бы то ни было, считаю, что такие вещи надо подавать немножко более нюансированно.

О чем еще я хотел бы сказать применительно уже к проблеме неравенства в России? Поскольку я занимаюсь социальными аспектами деятельности большого бизнеса и его ролью в политике и знаю не понаслышке ситуацию в некоторых городах, я считаю, что есть еще один аспект неравенства здесь, это – так называемые оазисы внутри регионов. Возьмите, Коми.

Я был в г. Когалыме в Западной Сибири. Руководители «ЛУКОЙЛа» называют этот город европейским. Он действительно европейский, потому что в России, в нашей провинции, такого ухоженного, современного города редко можно найти. Это – действительно оазис, и таких оазисов довольно много. Поэтому проблема неравенства внутри регионов, а не только между ними тоже существует, и она должна каким-то образом решаться.

Недавно я прочитал такую вещь. В Америке существуют 275 миллиардеров, и они имеют в своей собственности семь процентов годового ВВП. 26 российских миллиардеров имеют 19 процентов. Это тоже один из аспектов неравенства, и весьма серьезный.

Реплика. Я нашей прессе уже давно не верю.

Перегудов С.П. Нет, это не пресса. Я думаю, что это достаточно серьезные подсчеты. Мне кажется, что это вполне соответствует той ситуации, которая есть в Америке, где акционерный капитал распылен, и у нас, где акционерный капитал сконцентрирован в очень немногих руках. То есть это тоже очень важная проблема и каким-то образом ее надо ставить. И здесь вновь мы выходим на то же самое сопоставление России и Запада, которое помогает нам более рельефно увидеть наши собственные проблемы.

Реплика. У нас недооценены активы. Акции Газпрома стоят копейки. А если их оценить, то число миллиардеров вырастет.

Перегудов С.П. Естественно. Соотношение еще хуже будет. Поэтому Вадим Андреевич, я считаю, что в своем докладе Вы очень правильно ставите вопрос о распределении акционерного капитала; о том, что он в Америке распылен, а где-то, наоборот, сконцентрирован. Эту проблему действительно тоже нужно ставить в центр исследования. Очень хорошо, что уже в этом докладе она присутствует.

И последнее. Руслан Семенович, поскольку Вы затронули проблему социальной ответственности, я хочу предложить сейчас ее не обсуждать. Будет мой доклад, специально посвященный этой проблеме, тогда и поговорим.

Гринберг Р.С. Согласен.

Медведев В.А. Полина Михайловна Козырева, пожалуйста.

Козырева П.М.

Мне видится еще один важный аспект, который должен учитываться в нашей работе, а именно - необходимость проанализировать субъективный аспект восприятия населением социальных реформ, которые реализуются правительством. Сегодня зачастую этот момент игнорируется теми, кто принимает решения. Так было с монетизацией льгот, похожая ситуация сложилась и с пенсионной реформой. В результате тратятся миллиарды рублей на то, чтобы разослать «письма счастья», а их просто не читают. И не потому, что людей не интересует будущее материальное благосостояние, размер их пенсий, а потому, в частности, что практически ничего не делается (и финансово и организационно) для объяснения того, почему нужно отслеживать размеры перечислений в Пенсионный фонд, зачем надо контролировать своего работодателя именно в этой части. Что нужно делать с пенсионными накоплениями, чтобы они «работали» и т.д.

Поэтому в рекомендациях и аналитических материалах по результатам нашего проекта нужно обязательно предусмотреть этот субъективный аспект, и заложить соответствующие показатели и индикаторы в программу эмпирического исследования.

Многие тезисы, которые были высказаны сегодня, находят подтверждение в эмпирических данных. Так, в частности по данным проводимого нами «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ), (проводится с 1994 года по настоящее время), доля респондентов, относящих себя к средним слоям на шкале богатства составляет сегодня свыше 50%, впервые превысив долю тех, кто относит себя к малообеспеченным или бедным. А показатель, характеризующий изменение положения респондентов относительно черты бедности на протяжении всех лет

мониторинга, убеждает, что самочувствие улучшает не только постоянное пребывание выше этой грани, но и сам факт перехода семьи на более высокий уровень материальной обеспеченности. Около трети респондентов, переместившихся на верхнюю ступень «лестницы» материального благополучия имели хорошее самочувствие, что даже немного больше, чем в группе респондентов, которые постоянно находились выше черты бедности. Нередко субъективное восприятие масштабов отдельно взятого перемещения по социальной лестнице, «взлета» или «падения» имеет для индивида гораздо большее значение, чем сам факт изменения социального положения. Немаловажную роль играет сравнение своего места в социальном пространстве и возможностей его изменения с положением и возможностями других индивидов. В одних случаях субъективная оценка может служить мобилизующим фактором, способствующим внутренней концентрации и более эффективному использованию адаптационных ресурсов, в других — вызывать апатию и подавленность, конформистские ориентации, пассивное приспособление к жизненным обстоятельствам.

Или высказанное здесь суждение о гендерном неравенстве на рынке труда. Вытеснение женщин в малопrestiжные и низкооплачиваемые сферы экономики стало одним из широко распространенных проявлений дискриминации по половому признаку. По данным РМЭЗ женщины реже работают в наиболее доходном частном секторе. Заметным является преобладание женщин на низкооплачиваемых должностях в образовании, медицине, культуре и других бюджетных сферах.

Стремление женщин найти свое место в рыночной экономике, в том числе за счет переобучения, гораздо выше, чем у мужчин. Но в реальной жизни это помогает далеко не всегда. Женщины

сталкиваются с большими трудностями на рынке труда, особенно при трудоустройстве и увольнении с работы, а также при продвижении по службе и социальном обеспечении, что обуславливает повышенный уровень их озабоченности проблемами занятости и трудоустройства.

В то же время хочу отметить, что не все женщины поддерживают тезис равенства прав мужчин и женщин при устройстве на любую работу: таких оказалось 85%. Среди мужчин такой точки зрения придерживаются три четверти опрошенных. Вместе с тем часть женщин, доля которых составляет около 10%, высказываются категорически против подобного равенства. Среди мужчин противниками равенства мужчин и женщин при поступлении на работу выступает примерно каждый пятый респондент.

Здесь правомерно поставить вопрос о том, насколько велико осознание женщинами такой дискриминационной практики и в какой степени эта практика их не устраивает.

Порядка 40% мужчин, придерживающихся традиционных взглядов на роль женщины, согласились с утверждением, что для семьи очень плохо, если жена работает. Характерно, что подобным образом рассуждает примерно каждая третья опрошенная женщина (35,9%).

По мнению большинства или значительной части женщин, мужчинам больше подходят руководящие должности в правительстве, законодательных и других органах власти, профессии, связанные с выполнением тяжелой физической или умственной работы (каменщик, конструктор и некоторые другие). В то же время женщине больше всего подходит быть кассиром. В целом количество «женских» профессий оказывается намного

меньше, чем «мужских». По-видимому, в сознании женщин прочно утвердился определенный стереотип женской неполноценности. Это, в свою очередь, может служить косвенным свидетельством того, что женщины зачастую не особенно возражают против культивируемого в обществе разделения труда по признаку пола.

Сегодня здесь много говорили о шокирующем социально-экономическом неравенстве. Однако посмотрите вокруг – массовых забастовок и протестных действий мы не наблюдаем. Наши эмпирические данные позволяют сделать вывод о том, что сегодня для массового сознания россиян скорее характерна ориентация на пассивное приспособление к существующим условиям. И эта ориентация является важнейшим фактором, который определяет специфику поведения людей, особенности гражданской и политической активности населения.

Прежде всего, речь идет о довольно низком уровне участия граждан в политической жизни, различных проявлениях индифферентности, безразличного, равнодушного отношения к ней. Подавляющее большинство граждан или не вовлечены в политическую жизнь, или принимают минимальное участие в политическом процессе. По данным опроса РМЭЗ, проведенного в октябре 2004 г., за последние три года всего лишь 1,2% респондентов принимали участие в политических митингах, демонстрациях или акциях протеста против действий властей и 0,5% - в забастовках.

Согласна с тезисом В.А.Медведева о том, что «социально-экономическое «равенство-неравенство» оказывает решающее влияние на всю систему общественных отношений, политическую и психологическую ситуацию в обществе, степень ее стабильности». И в этой связи полагаю, что одна из важнейших и интереснейших

задач проекта - разобраться в том, как связано социально-экономическое неравенство с политической и гражданской активностью населения, как оно влияет на степень вовлеченности членов социальной общности на индивидуальной и групповой основе в общественно-политическую практику, на их стремление активно участвовать в политических процессах.

И еще одно замечание. Говоря об эмпирическом социологическом исследовании, которое является частью нашего проекта, хочу обратить внимание на необходимость тщательно проанализировать уже имеющуюся эмпирическую информацию на предмет выделения наиболее хорошо «работающих» показателей. Это важно сделать для того, чтобы оптимизировать опросный инструментарий, индикаторы которого призваны создать информационную базу для такого многоаспектного проекта, каким является наш проект «Социальное неравенство и публичная политика».

Реплика. Нас подстерегает серьезная опасность. По результатам некоторых опросов, повышение оптимизма - очень хорошо, его нужно отслеживать, но, не дай Бог, это внушить нашему правительству, потому что тут же все социальные реформы и кончатся. Скажут – хватит.

Козырева П.М. Да показатели дифференциации неравенства, которые приводились сегодня, сумасшедшие. Но с другой стороны, посмотрите: у нас что - массовые забастовки? Мы имеем данные опросов о политической активности, так там и анализировать невозможно: среди 10 тысяч респондентов – не более чем полтора процента.

Реплика. Но есть другие данные, которые совершенно четко указывают на угрожающие демографические тенденции. Каждый

персонально это вроде не ощущает и даже доволен своим положением. А народ умирает статистически.

Конечно, есть общая тенденция спада рождаемости. Никуда от этого не деться. Но мы все-таки можем влиять на эти процессы. Тем более что Россия настолько многообразна, что если в Москве одна ситуация, то в той же Якутии совершенно спокойно будут рожать и по десять детей.

Медведев В.А. Выступает Юрий Андреевич Красин.

Красин Ю.А.

Я полностью поддерживаю Д.Е.Сорокина во всем, что он сказал о важности понятийного аппарата. И, прежде всего, надо разобраться в самых основных понятиях. В первую очередь это касается понятий «равенство» и «неравенство». Нельзя рассматривать их как взаимоисключающие. Скорее всего, они образуют антиномию. В конечном счете, неравенство коренится в биологической природе человека. У каждого индивида свои естественные задатки и способности. В той мере, в какой это определяется биологическими факторами, неравенство неустранимо. Можно говорить лишь о компенсации со стороны общества отсутствия у каких-то людей тех или иных задатков или способностей.

Неравенство вытекает из различий между людьми, которые обусловлены биологическими и социальными факторами. Если есть различия, то неизбежно и неравенство. Поэтому проблема общественного равенства заключается не в полном устранении неравенства, что невозможно, а в том, чтобы ограничивать и регулировать неравенство экономическими, правовыми и политическими средствами в интересах стабильности общества и недопущения его самоуничтожения.

Мне кажется, для уяснения этой темы, кроме парной категории «равенства-неравенства», надо ввести в теоретический анализ другую пару категорий социальной философии – «равенство» и «свобода». Именно «игра» этих двух категорий высвечивает суть проблемы: очень много свободы подрывает равенство, очень много равенства устраняет свободу. Эта проблема освещена в теории общественного договора Т.Гоббса и Д.Локка. В естественном состоянии свобода каждого не ограничивалась, и это создавало

ситуацию «войны всех против всех». Переход к гражданскому состоянию неизбежно порождает ограничения свободы. На нее накладывались социальные обручи, но именно это открывало возможности для некоторого упорядочения общественной жизни и уравнивания прав граждан перед государством. Социализм попытался расширить это уравнивание до полного социального равенства. По-видимому, в такой постановке это утопическая идея, но с рациональным содержанием. Оно состоит в том, что исторически возможности расширения равенства увеличиваются. На каждом новом историческом этапе объективно встает задача поиска своей оптимальной формулы «равенства-неравенства».

Я вовсе не призываю к тому, чтобы расписывать все детали и оттенки понятийного аппарата. Это черновая методологическая работа, и она, вероятно, должна остаться на кухне. В итоговых документах об этом вряд ли будет говориться, но для себя мы должны уяснить все эти вопросы и в процессе работы руководствоваться согласованными установками.

Во многом место того или иного индивида на иерархической лестнице «равенство-неравенство» зависит от случайностей. Можно сказать, что у каждого человека есть своя траектория удачи. Родился он в Якутии или в Москве – уже другая траектория. Или в какой он культурной среде оказался, в какой семье воспитывался или жил без родителей где-нибудь в детском доме. Все эти и многие другие обстоятельства и создают конкретную траекторию удачи-неудачи. Отчасти эта траектория не зависит от социальных факторов. И тогда это не предмет нашего исследования. Но отчасти (и я думаю, в большей части) зависит именно от социальных условий, определяющих процессы социализации личности в социуме. Тогда это предмет публичной политики и, следовательно, нашего проекта.

В нашем трудно трансформирующемся обществе существуют социальные и географические зоны, выталкивающие большие общественные группы «на дно» или на маргинальные позиции. Возникают «группы риска». У нас в проекте УКГФ было такое исследование групп риска среди школьников. Вполне возможна и необходима публичная политика, направленная на то, чтобы группы риска не были обречены на «траекторию неудачи», чтобы им были обеспечены равные возможности, в той или иной мере компенсирующие влияние неблагоприятных условий, в которых они оказались по воле случая или каприза природы. Это, как мне кажется, один из частных случаев публичной политики по обеспечению социального равенства.

Теперь насчет объема понятия «неравенство». Безусловно, этот объем значительно шире имущественного неравенства или неравенства доходов. У этого понятия есть и другие составляющие: социальная, культурная, политическая. В западной политологии используется понятие «политическая нищета». От нее страдают отнюдь не только самые бедные и занятые заботами о выживании. В силу разного рода деформаций образа жизни, влияния обывательщины и отупляющих форм массовой культуры, ограниченности общественных практик и условий социализации многие люди просто не интересуются политикой и не участвуют в политическом процессе, то есть им недоступны ценности этой сферы общественной жизнедеятельности.

П.М.Козырева сказала, что по данным проведенного ею исследования в России только 1,2-1,3% опрошенных можно отнести к политически активным, граждански активным. Правда, и в развитых странах этот процент невелик, что, возможно, лежит в основе кризисных процессов в современной демократии. По

характеристике Роберта Даля, пять процентов политически активного населения делают общество достаточно демократичным. Но у нас и до пяти-то очень далеко. Поэтому демократия в России не работает, и фактически в этой области сохраняются «политическая нищета» и политическое неравенство. Об этом мы специально поговорим на симпозиуме по пятому разделу плана.

Несколько слов насчет собственности. На заре становления современного общества в эпоху ранних буржуазных революций философское определение собственности было дано Джоном Локком. О нем сейчас подзабыли, а, между тем, в нем сформулирован очень важный принцип тесной увязки собственностью с энергией человеческой деятельности. Для Локка собственность - триединое понятие, включающее жизнь (life), свободу (liberty) и имущество (estate). Собственность не сводится к имуществу, к вещественному компоненту. Философская концепция Локка сублимирует живое восприятие собственности английским крестьянством, йоменри – главной ударной силы английской революции 17 века. Для этого взявшегося за оружие крестьянина участок земли, пролитый его потом и кровью, был не просто имуществом, а значил гораздо больше. Он олицетворял жизнь и свободную деятельность.

Потом произошло отчуждение собственности от человека. Ее вещественный компонент стал средством порабощения и эксплуатации и неоправданно занял доминирующее положение в трактовке самого понятия собственности. Однако сегодня в эпоху перехода к инновационному обществу, как мне кажется, на новом витке исторической спирали возникает потребность в возврате к более широкому пониманию собственности. Вообще в более отдаленной исторической перспективе собственность, по-видимому,

растворится в органически кооперированной созидательной жизнедеятельности человеческого сообщества. Во всяком случае, вместе с возрастанием удельного веса человеческого капитала и развитием интеллектуальной собственности уже просматривается тенденция к размыванию грани между частной и общественной собственностью. Великие интеллектуальные прорывы просто не могут быть втиснуты в прокрустово ложе частной собственности, да и собственности вообще в ее нынешнем ограниченном понимании.

В этой связи представляется уместным напомнить определение собственности данное еще где-то в 60-е годы очень талантливым российским философом (к сожалению, рано умершим) Эвальдом Ильенковым. Он считал, что собственность – это богатство деятельных способностей человека. Вещные факторы – земля, природные богатства, средства производства – становятся собственностью только тогда, когда они втянуты в горнило творческих деяний человека.

Медведев В.А. Очень важно на современном уровне осмыслить эти идеи.

Красин Ю.А. Теперь о том, что мне кажется очень важным для концептуального единства исследования. Д.Е.Сорокин говорил о шести пунктах, по которым необходимо договориться, выработать общую позицию, чтобы обеспечить целостность работы. Но, кроме этого, думаю, надо нам наметить несколько сквозных идей, которые пройдут через все разделы и обеспечат не только методологическое, но и содержательное единство исследования и его результатов.

Скажем, определяя проблемы социального равенства в российском обществе, мы отстаиваем идею равенства стартовых возможностей для каждого гражданина. Не просто равноправие, равенство перед законом, которое на практике тоже попирается, но

именно равенство возможностей. Мы должны четко показать, что ни о каком социальном равенстве и речи быть не может, если не обеспечено равенство стартовых возможностей. В этом смысле предлагаемые правительством реформы образования и здравоохранения идут вразрез с целями социального равенства. Эта идея равенства возможностей должна пройти через все разделы нашего исследования и получить разностороннее обоснование

Другая идея – это относительность, релятивность социального равенства. Дело не только в том, что не может быть абсолютного и полного равенства. Это более-менее ясно. Дело также и в том, что и реально достижимая модель социального равенства неодинакова в разных обществах и в разные времена. Здесь нет какого-то раз и навсегда данного стандарта для всех. Соотношение равенства-неравенства имеет пульсирующий характер в зависимости от условий времени и места. Как отмечал А.Ю.Шевяков, это соотношение имеет разные параметры даже не в разных регионах одной страны. Поэтому поиск оптимального варианта социального равенства – всегда конкретная задача.

Медведев В.А. В этом и состоит смысл парного понятия «равенства-неравенства» и поиска меры их сочетания в современных условиях. Полного равенства быть не может, но неравенство сверх каких-то пределов антисоциально.

Гринберг Р.С. Ю.А.Красин, безусловно, правильно говорит о равенстве возможностей. Однако есть еще вопрос о социально приемлемом неравенстве в распределении результатов общественного производства. Надо иметь в виду, что есть идеал и есть реальность и соответствующая ей норма. И мы должны хотя бы подходить к какой-то норме, как это происходит в Скандинавии, в Северной Европе.

Красин Ю.А. Еще одна сквозная идея – это роль государства в обеспечении приемлемого уровня социального равенства. Один только рынок и вообще сфера частного не в состоянии решить проблему социального равенства в оптимальных границах. Это вопрос о соотношении публичного и частного в социальной сфере. Без государства здесь не обойтись. На этом надо акцентировать внимание. И в то же время необходимо четко очертить границы государственного вмешательства. Это связано с вопросом о социальной ответственности других субъектов общественной жизни, в том числе и корпораций.

Перегудов С.П. Значит ли это, что мы должны исходить в проекте из заранее заданных директив.

Красин Ю.А. Думаю, в исследовании должна быть какая-то гипотеза. Потом в ходе исследования те или иные идеи могут не подтвердиться. Тогда от них придется отказаться и принять другие идеи, соответствующие полученным данным.

Медведев В.А. Никто заранее директив не формулирует. Все подлежит обсуждению. Это – непредвзятое исследование.

Красин Ю.А. По-моему, должна быть концепция, которая в процессе исследования, как мы думаем, должна подтвердиться, потому что, выдвигая ее, мы уже опираемся на проведенные ранее исследования и на факты жизни. Конечно, не исключено, что концепция не подтвердится. Тогда ее придется заменить. В любом случае концепция будет уточняться и видоизменяться.

Полагаю, на основе проектов УКГФ и живой практики социальной политики последних 15 лет можно достаточно обоснованно предлагать ряд сквозных идей нашего проекта. Среди них я бы выделил одну, которая, можно сказать, напрашивается на разработку. Потребность в ней ощущается все более остро. Это идея

достаточно гибкого баланса либеральных и коммунитарных начал в решении проблем социального равенства в современной России. Мы должны здесь определить свою позицию.

Медведев В.А. В конечном итоге, а не вначале и не в порядке выбора между различными вариантами, а в результате исследования.

Красин Ю.А. В конечном итоге выяснится, подтверждается эта сквозная идея или нет. В начале это гипотеза и, естественно, предмет открытой дискуссии.

Наконец, полноценный проект по теме социального неравенства диктует необходимость сквозь все разделы провести региональный аспект этой темы. Я только что вернулся из Иркутска, и убедился, там эти проблемы волнуют научную общественность.

В этой связи мое последнее замечание. Было бы очень важно и, несомненно, полезно для проекта, если бы у нас образовались «региональные филиалы». По общей с нами методике и на базе собственных финансовых ресурсов они проводили бы свои исследования социальной политики в сфере равенства-неравенства. Мы уже послали наш план проекта некоторым из наших прежних партнеров: в Пермь, Екатеринбург, Санкт-Петербург.

В Иркутске на кафедре «Мировой истории и международных отношений» уже 15 лет назад провели исследование по теме социального неравенства и составили региональную карту состояния неравенства в Иркутском регионе. Она, конечно, устарела сейчас, но методика и навыки проведения такой работы остались. Иркутские ученые из университета готовы подключиться к проекту на условиях автономии и собственного финансирования. Мы могли бы периодически встречаться с ними и обсуждать полученные результаты, обмениваться опытом и материалами. Иркутяне имеют возможность получить грант под этот проект.

У всех участников нашего проекта есть связи в регионах. Каждый мог бы при желании найти опорные пункты в регионах для параллельных исследований тематики социального неравенства. Сотрудничество с ними, несомненно, обогатило бы проект и расширило бы наши контакты с регионами России.

Медведев В.А. (*заклучение*). Хотел бы поддержать тезис в выступлении Ю.А.Красина о региональных филиалах нашего проекта. Сегодня звонила из Тулы Заславская. Там знают о нашем проекте и тоже хотели бы принять в нем участие за счет своих средств или спонсорской помощи. Наш проект мы направили и в Канаду. На последнем заседании УКГФ со стороны вице-президента Университета Калгари г-на Салахаба было высказано предложение, что они могут найти 100 тысяч канадских долларов для продолжения проекта. Правда, после этого конкретных действий пока не последовало, но не исключено, что у нас найдутся и канадские партнеры. Так мы можем обрати и не только внутренней, но и международной периферией.

Что можно сказать по общим результатам сегодняшней дискуссии? Несмотря на некоторую разбросанность, она оказалась полезной. Много высказано конструктивных суждений, от которых просто уйти нельзя.

Меня порадовало то, что уже начался синтез междисциплинарных подходов. Так, Ю.А.Красин высказал некоторые соображения о собственности, очень интересные для экономистов. В то же время обратила на себя внимание пока еще недостаточность выходов на сферу публичной политики. Они сегодня носили эпизодический характер, а в проекте должны играть если не центральную, то, во всяком случае, результирующую роль. Итогом проекта должна стать социальная политика по проблеме неравенства. В этом направлении, я думаю, нам надо с самого начала накапливать наработки, хотя, конечно, основные усилия придутся на заключительный этап.

В содержательном плане, мне кажется, выдвинуто много интересных мыслей, которые требуют дальнейшего обсуждения. В

том числе по проблеме, которая инициирована мной и которая получила оживленный отклик. Это отражение в «равенстве-неравенстве» трансформационных тенденцией общецивилизационного характера и процессов, которые характерны для нынешней России и протекают у нас в столь острых и противоречивых формах. Высказывалось мнение, что в их анализе надо исходить из наших национальных особенностей. Мне кажется, что надо сочетать то и другое, а приоритет все-таки отдать общецивилизационным процессам, которые в более полном, хотя и противоречивом виде проявляются в продвинутых странах современного мира – и Запада, и Востока. А восточные страны добиваются больших успехов, благодаря тому, что они своими методами и на своей почве открывают дорогу общецивилизационным процессам, характерным, прежде всего, для развитых стран Запада.

Но проблематика внутренних и внешних условий, общих закономерностей и специфики страны вечная. Мы ее никогда не решим и не снимем с повестки дня. Дискуссии будут продолжаться.

Среди других вопросов, которые сегодня обсуждались, я бы назвал проблему соотношения социального развития и социальной политики на общенациональном и региональном уровнях, роль корпораций и частного бизнеса. Она будет по-прежнему у нас стоять, и мы будем стараться найти оптимальные подходы в этой области.

К чему я хотел бы вас призвать? Для первой нашей общей дискуссии на основе неформального доклада и не по разделу доклада, а по неким общим подходам и посылкам, ее характер и уровень вполне достаточны. В отличие от этого последующие наши

семинары будут посвящены уже конкретным направлениям исследований.

В связи с этим хотел бы надеяться, что на последующих встречах будут более подробно и более обстоятельно анализировать представленные тексты, причем на междисциплинарном уровне, более обстоятельно – критически и в положительном плане – оцениваться те материалы, которые будут содержаться в докладах уже по конкретным направлениям. Это залог коллективной работы и выработки, если не единых взглядов (такой абсолютной цели мы ставить не можем), то каких-то общих подходов и координации позиций, чтобы подойти к единому докладу и предложениям по социальной политике в области «равенства-неравенства». Ведь социальная политика едина, ее не разорвать на части. Не следовало бы под влиянием злобы дня или субъективных мнений выхватывать и пытаться решать отдельные проблемы, как это характерно для нынешней государственной практики.

Следующее заседание семинара состоится в среду, 26 октября, в 15.00. в полном составе участников проекта.